

18+

Денис Ольшин

Волкодлак

Денис Ольшин

Волкодлак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62703811

ISBN 9785005111289

Аннотация

Я не воин и не герой. Всё, что у меня было, они забрали, убили, уничтожили. И чтобы сберечь последнее, что у меня осталось, я пойду на любую жертву.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	27
Глава четвёртая	34
Глава пятая	45
Глава шестая	55
Глава седьмая	63
Глава восьмая	77
Глава девятая	99
Глава десятая	120
Глава одиннадцатая	130
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Волкодлак

Денис Ольшин

© Денис Ольшин, 2020

ISBN 978-5-0051-1128-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мир полон тайн и загадок. За каждую узnanную нами тайну, за каждое непреодолимое желание нам приходится платить. Перед нами стоит один вопрос. Готовы ли мы заплатить? Я Олег Стрижинский; назовите мне цену, и, если придётся, я заплачу её, но достигну цели.

Глава первая

Лес. Белоснежный лес, покрытый сугробами, в которых можно увязнуть полностью и скрыться без следа.

Сегодня холодное зимнее утро, однако на мне лишь лёгкая одежонка, при этом совершенно не чувствую никакого холода. Мне не представляет особого труда пробираться через снежные заслоны, и всё же из-за глубокой и болезненной печали поселившейся в моём сердце, я медлю, непросительно медлю. От этой боли с трудом сдерживаются слёзы. Непонятно почему, мне хочется вернуться обратно, я лишь знаю, что не могу, и, не ведая причины, а может и причин, продолжаю свой путь. Наконец, мне удаётся выйти на поляну укрытую огромным слоем снежной шапки. На другом конце я вижу человека.

Хоть вдалеке мне и не виден его лик, но я знаю кто это. При виде этого человека ко мне возвращается уверенность, и я иду к нему.

И тут сон мой обрывается, снова. Уже который раз за год я вижу этот сон и с каждым месяцем всё чаще. Что со мной твориться?

Выровняв своё дыхание и уняв дрожь, я слезаю с печи.

Если бы только можно было отправиться к волхвам: они бы растолковали мне эти видения. Увы, у нас в деревне никто не знает, где они могут быть. И, боюсь, в наше время

мало кто из людей ведаёт, куда ушли эти мудрецы после крещения Владимиром Руси.

Ладно, негоже думать о плохом спросонья.

Я подхожу к стене и всматриваюсь в усыпанное сверкающими серебряными капельками небо через проём.

Как же порой хорошо иметь возможность бодрствовать в чудные лунные ночи. Мне не ведомо, влияние ли это расчётливого и непредсказуемого Хорса, что приводит в движение луну и звёзды, вливая в меня силы. Или неузнаваемого и незапоминающегося Дыя – властителя ночного неба насылающий мне тревожные видения. А может быть великомудрого и многознающего Велеса, который отправляет наши души ко сну, и почему-то всё чаще и чаще отказывающий мне в этом даре, я, увы, не знаю. К худу или добру, мне никак не удаётся уснуть в полнолуние, а чувства мои обостряются не хуже матёрого волка. Хоть полнолуние пару дней как прошло: крепче я всё равно не сплю. Оно и ладно, всё равно не было особого желание спать этой ночью.

Убрав перегородку с окна, я смотрю в открывшуюся мне красоту.

Марена покинула нас раньше обычного, и снега растаяли с первыми днями весны, зелёная трава выросла уже достаточно высоко, и теперь мирно колыхается от прохладного северного, правда до скоса ей ещё очень далеко.

Да, сегодня хорошая ночь для охоты.

Подойдя к светцу, я беру целую лучину, возвращаюсь

к печи, убираю заслонку – лицо сразу же обдаёт приятным жаром; красные угольки мирно тлеют, исторгая из себя жар. Протянув руку к уголькам, через несколько мгновений её кончик загорается пламенем, после чего я вставляю лучину в светец. Лучики света сразу же озаряет стоящий рядом с ним небольшой сундук.

Добра в нём конечно не так уж и много: две пары рубах и штанов, три-четыре пары лаптей, одна пара чёбот и ещё одна пара поршень. Однако есть здесь и настоящая ценность для меня. Один небольшой боевой топорик, чекан и охотничий нож, множество раз, переточенный от постоянного свежевания и разделки туши. И конечно кинжал.

Не один год я работал в поте лица в кузнице Трудюлюба в качестве ученика, пока, наконец, не научился выковать что-то стоящее.

Помню, как впервые пришёл к порогу Трудюлюба и заявил о желании обучиться мастерству кузнеца. Его это расмешило, а батюшку разгневало. Ни сильнее обычного, так что он это пережил, как и то, что я остался верен родной вере, а не пришедшей с юга религии. Неважно. Главное, что на пятнадцатом году жизни, после восьмилетнего учения и наставления Трудюлюба мне удалось собрать нужные деньги на металл, из коих мне таки и удалось выковать это оружие для себя. А использовать его есть против кого.

Опоясавшись, я достую и закрепляю кинжал с охотничьим ножом на поясе по бокам и топорик за спиной у копчи-

ка. Убедившись, что всё достаточно хорошо сидит, я устремляюсь к двери и выхожу из хижины со скрипом.

Надо бы смазать петли.

Меня обдаёт прохладный ветерок, выдувает из меня всю оставшуюся дрёму. Кровь струится по телу, разгоняя тепло.

Может быть, сегодня встречу с ними.

Я обращаю свой взор на лес, что стоит перед моей хижинной, маня к себе и одновременно пугая тем ужасом, что таит в себе.

Мне бы давно уже стоило перебраться вглубь деревни, но я ничего не могу с собой поделывать; невидимая сила тянет меня в него, заставляя искать давних обидчиков, и не давая сгинуть во мраке ночи.

Восторг сменяется злобой, и я направляюсь в лес.

Конечно, нельзя идти в лес со злым умыслом и тёмными мыслями, однако леший, если и был, то давно уж покинул эти места.

Мгновения сменяются минутами, минуты часами, однако я ничего не нахожу кроме могучих деревьев: дубов и берёз и, уже успевшими прорости под их сенями, растениям. Ни голосов животных, ни ночного пения птиц, ни шелеста растений, а ветер лишь разгоняет воздух, пропитанный какой-то затхлостью. И всё же я не вижу самих сеятелей несчастий.

У меня на пути встречается несчастная берёза, что, кажется, вот-вот заплачет, подхожу к ней и обнимаю, тихо говоря:
– Берёза белоствольная, ответь мне охотнику опечаленно-

му: где те, кто наводят черноту на леса эти, где те, кто невзгоды приносят всем живущим в землях наших? Подскажи, покажи, окажи услугу.

В ответ берёза качает своими ветвями.

Что ж, похоже, лес снова против моей встречи с ними.

Звёзды начинают исчезать и небо потихоньку окрашиваются в голубоватый цвет, готовясь встретить Дажьбога, несущего солнечные лучи, что изгоняют и ослабляют нечистую силу.

Оставив надежду, я отпрянул от дерева, собираясь прогуляться напоследок по лесу, но тут ветер доносит до меня запах страха вперемишку с кровью, сообщающий об ещё одной жертве и исходящий со стороны деревни.

Родители! Они же тоже живут на отшибе рядом со мной!

Сердце разгоняет по телу страх, придавая ногам лёгкость и скорость. Стараясь не думать о том, что могло случиться я продолжаю бежать без остановки.

Видя границу леса, сердце начинает колотить с невероятной скоростью. Желание узнать что случилось, понемногу подавляется ровно противоположным, но я не позволяю этой мысли возрасти и делаю последние рывки до границы.

От увиденного моё сердце понемногу успокаивается – усталость обрушивается на меня и я прислоняюсь к стволу дерева, дабы остаться на ногах.

Дверь в дом родителей закрыта. Однако я успокоился отнюдь не из-за одного только целого вида задней двери. У ко-

нюшни сзади выломан проход, из которого и исходит запах крови.

Внутри всё достаточно плохо. Жеребцы, кобылицы и даже молодые жеребята лежат мёртвые. Те, кто остались, так или иначе, целы. Остальные разорваны в клочья. Но крови не так много как должно было быть на самом деле.

Обескровили и разорвали на куски, дабы их дух не смог уйти в Ирий, остальных не успели. Что-то их спугнуло, хотя, что может спугнуть этих извергов кроме света Дажьбога?

Я знал каждую лошадь в этой конюшне, а теперь едва могу узнать нескольких из них. Боль и страдания, постигшие их, отдаются в моём сердце. Они должны упокоиться, их дух должен освободиться и я освобожу его.

Подойдя к двери, я бью по ней, пока до меня не начал доноситься звук открывающейся двери.

С другой стороны передо мной стоит мой младший брат пятилетний Микула.

– Здравствуй брат, – говорю я ему. Мой взор устремляется на колун у двери. – Я возьму. – Говорю я и крепко сжимаю рукоятку.

– Может, в дом войдёшь, – говорит Микула радостным голосом и счастливыми ещё детскими очами. – Матушка с батюшкой скоро проснуться.

– Когда проснуться – тогда проснутся, а сейчас пусть спят. – Отвечаю я и выхожу за дверь.

– Ты что творишь!?! – спрашивает батюшка гневным то-

ном и подходит ко мне с тяжёлой поступью.

Чую придётся поломаться.

– И тебе здравия, бабушка, – приветствую я бабушку и наношу очередной увесистый удар по дереву, да так что бревно отделилось от опоры. – А что я делаю, ты и сам видишь, ежели не понимаешь почему, то зайди вовнутрь, всё равно у меня ещё много времени займёт обрушение крыши.

– А ну быстро прекрати. – Он хватает меня за плечо и отталкивает от стены.

Из очей его так и летят искры.

– Зайди внутрь и всё поймёшь.– Говорю, изо всех сил скрывая гнев, не показывая его ни на лице, ни в очах своих.

Злоба не спадает с бабушкиного лица, но благоразумие всё же берёт верх.

– Стой на месте. – Велит он более рассудительным голосом и заходит.

Пока он осматривает бойню, я стараюсь уgomонить свои чувства, но представления о случившемся в этой конюшне лишь подогревают мою ярость и злость.

Чернобог явно веселиться, наблюдая, как ненависть съедает меня и порождает новую волну тёмных мыслей.

Наконец отец выходит. На лице его невозможно ничего прочесть, лишь холодное безразличие. Он смотрит на меня, проверяет, хватит ли мне терпения или я взвою как молодой необузданный волк, призывая к справедливости и мести.

Не буду скрывать, очень этого хочу, и всё же я обладаю

достаточной выдержкой.

– Микула, неси лопату, поможешь мне вынести тела, а ты неси повозку. – Обращается ко мне батюшка.

– Ежили ты хочешь, вынести тела, так и быть. Но что потом? Их всё равно нужно сжечь, да и конюшню надобно очистить, а что может быть лучше пламени Семаргла.

– Молчи! – Велит мне батюшка своим громогласным голосом и укоряющим взглядом. Похоже, он добился чего хотел. – Позор нашего рода. Не тебе здесь изъяслять свою волю. Монах очистит конюшню, а тела закопаем и все дела.

Злоба и обида вспыхивают во мне.

– Позор нашего рода!?! Не тебе говорить о Роде, отец. Это ты отказался от наших предков, ты срубил идолы, ты погнал волхвов, а тех, кого не прогнал – зарубил. Ты не имеешь права обвинять меня, отец, не имеешь.

После этих слов, отец подбегает ко мне в два шага и бьёт со всей силы в лицо. Чудом мне удаётся увести его удар в сторону и оттолкнуть о себя, но батюшка снова наступает. Отец снова бьёт меня в лицо, и я снова увожу его удар в сторону, вот только удар по ноге с захлёстом не замечаю и падаю на колени, отец хватает меня за волосы на затылке и бьёт в нос – слышится хруст; в глазах темнеет и я чувствую как падаю на землю.

Отец сейчас явно стоит надомной, собирается сесть на меня и хорошенько помять лицо.

Я делаю кувырок назад, резко поднимаюсь и прислоня-

юсь к дереву и встаю в стойку, глаза не открываю, дабы свет не ослепил и опираюсь лишь на слух. Он мигом приближается ко мне я ухожу в бок и слышу удар по стволу, не теряя времени, я накидываюсь на него, отец хватает меня за руку и заламывает, я прогибаюсь и хватаю за ногу, поднимаю над собой – отец мешкает, и я, пользуясь случаем, высвобождаю руку и хватаю его за рубаху, после чего с силой бью его о землю; оказавшись над ним, я открываю очи, и не особо вглядываясь бью в лицо – отец уворачивается, но я прижимаю его ногой и следующий удар наношу точно по лицу, и пока он ещё не пришёл в себя наношу ему быстрые ошеломляющие удары, однако после десятка нанесённых мною он наносит мне один, от которого я невольно поднимаюсь на ноги, делаю два-три шага назад и падаю, на мгновение потеряв сознание.

– Что же вы творите? – слышу я матушкин голос. – Почём кровь друг друга проливаете?

Очухавшись, отец поднимается, берёт меня за рубаху, отрывает от земли и прижимает к бревну. Его глаза выражают явное намерение выбить из меня весь дух.

– Уйди мать! – Кричит отец.

– Нет! – Кричит матушка, успев подбежать, обхватывает отца, не давая ему пролить мою кровь. – Не, смей. Не смей губить нашего сына.

– Он сам себя губит.

– Батюшка, не надо, пожалуйста! – Подбегают Надежда с Микулой. – Не губи брата. – Просит Микула.

Отец смотрит на них, и гнев постепенно исчезает из очей его. Он отпускает меня и говорит не глядя:

– Пошёл прочь. Не попадайся мне на глаза.

– Иди-иди сынок. – Говорит матушка, отгоняя меня.

С большой неохотой слушаюсь я её и ухожу.

Лучше бы они не подходили. Лучше бы он меня забил до полусмерти

Нос явно переломан, надо к знахарке сходить, но сначала.

Я подхожу к корыту и смываю с себя кровь. Глаз заплыл, в отражении едва можно разглядеть синяк на пол лица.

Да-а, до отца мне так же далеко как раку до горы.

Я вхожу в дом беру ткань и травы, что собираю в лесу, хорошенько протерев их в миске, ложу на ткань и делаю повязку на глаз.

По крайней мере, боль снимет.

Люди уже проснулись и разбредаются по своим делам, кто на новое поле, кто на дорогу торговать с купцами, которые всё же решились проехать через нашу деревню.

Кто знает, может лет через двадцать наша деревенька и разрослась бы до небольшого купеческого городка. У нас тут, в конце концов, и поля плодородные, есть, где коням разгуляться, и леса где живности до поры полно было. Много чего было до поры. А сейчас всё угасает, всё умирает: живность, земля, люди, надежда и даже вера.

А вот и дом. За забором я разглядываю Гостяту – жену Добромысла.

Я вхожу через дверцу, Гостиата отрывается от знахарских трав Добромысла и смотрит на меня, я кланяюсь ей говоря:

– Здрав будь Гостиата, Добромysl дома?

– Здрав будь Олег, – кланяется она, – Муж мой в лес ушёл вместе с сыновьями совсем недавно. Вернётся он всё же быстро, входи в дом, посиди, отдохни до его возвращения.

Что-то в ней изменилось, с нашей пошлой встречи. То ли в ней больше радости то ли жизни, а может и того и другого.

Я улыбаюсь и подтверждающее киваю. Внутри ничего так и не изменилось с моего прошлого посещения, разве что трав из леса побольше стало.

Походу Добромysl решилa пополнить свои запасы. Не доброе это если знахарь так часто пополняет свои запасы, причём без причины. У него этих трав, отваров, да настоек столько, что можно три зимы не мелочась лечить всю деревню, да ещё при этом останется. Для чего всё это? Ладно, потом его спрошу, а пока надо отвлечься.

Я поворачиваюсь к Гостиате и прошу:

– Позволь мне на гусях сыграть, настроение поднять.

– Конечно, Олег, сыграй. – Отвечает она и направляется к стене, где висит заветный инструмент

Взяв гусли и выйдя во двор, я сажусь на пенёк, проигрываю по гусям и начинаю запевать:

– Из рода могучего, из рода великого

Отправились в путь дети земли

Всё у них было:

И боль, и лишение,

Благодатная радость и горе небес,

Могущая вмиг сломить сотню мужчин.

Погибли б они, коли не было б духа,

Горящего в сердце гордых родов.

Великое море, огромные горы, обильные чаши одоле-
ли они.

Одолеют и впредь, коли будет в них вера,

Хранящую силу тех древних родов.

– Слышу, не забыл ты заповедей волхвов. – Говорит Добромысл, входя во двор, а за ним словно утята следуют его старший сын Богдан, а за ним младший Боголюб.

Добромысл здоров как матёрый медведь и почти такой же косматый со светлой бородой до пояса. Хоть он велик и вширь и в высоту, это не мешает ему быть быстрым и подвижным. Хоть и не достаточно ловким, чем я всё время пользовался в кулачных боях с ним.

Однако, несмотря на это, в прошлый раз я всё же потерпел поражение. Сколько не гляжу на него, а всё никак не могу поверить, что он мой ровесник.

Поднявшись и положив гусли на пень, я подхожу к Добромыслу и крепко обнимаю. По крайней мере пытаюсь, и всё же объятие желтого медведя куда крепче моего – мои рёбра невольно хрустят под его весом.

– Ну всё хватит-хватит отпусти меня, леший, я сегодня не в том настроении, чтобы тягаться с тобой, тур безрогий.

Объятия Добромысла размыкаются, и я встречаюсь с его серьёзным взглядом.

– Ведать сегодня отец сильно ранил тебя, раз ты даже отказываешься от лёгкой забавы.

– Раны мои заживут. С твоей помощью от них не будет и следа. Как всегда случалось.

– Я не о телесных ранах. – Хмурится он.

– Как и я. – На моих устах проявляется печальная улыбка.

– Пройдёте в дом завтракать пора. – Обрывает тишину Гостята. —Богдан, Боголюб помогите мне накрыть на стол.

– И то верно, сердце моё. – Молвит Добромысл. – Заходи, Олег.

– Давненько тебя не видел. – Говорит Добромысл, вправляя мне нос. – С одной стороны это конечно хорошо. Раз тебя нет, значит и телом ты здоров, но с другой стороны это означает, что твой разум становится всё слабее. Если ты даже своего единственного друга не навещаешь, то, что говорить об остальных людях.

– Неправда. – Я хмурюсь – и новая повязка Добромысла неприятно давит на глаз. – Мне нравится общаться с земляками, просто всё меньше нахожу это таким уж и необходимым. Да и о чём с ними говорить? О посевах, которых едва хватит на тот год, о скотине, которая дохнет каждую ночь. Даже если бы я заговорил, радости это мне не принесёт, а толка никакого. Ну хватит обо мне. Лучше расскажи, что у вас здесь твориться. Сколько я у вас не был три четыре

месяца? Сыновья та уже вымахали, скоро папку перегонят. Богдан тебе ведь скоро семь?

– Да. – говорит Богдан рычащим, почти медвежьим голо-
сом.

– Будете проводить обряд посвящения?

– Будем. – Не дожидаясь ответа отца, ответил Богдан, за что и получил подзатыльник.

– Будем-будем, когда запомнишь все травы и способы их применения в лесу.

Богдан печально повесил голову.

Да, тяжела доля знахаря. Но с другой стороны только благодаря знанию знахарства Добромысл пережил своё испытание лесом. Естественно, что он хочет подготовить своих сыновей к бедам Недоли и опасностям леса. И всё же от всего не уберечься, шрамы от дикой кошки на моей спине прекрасное тому доказательство. Потому и говорят: «В лесу погибает мальчик и рождается мужчина». Да и время не то, чтобы проводить подобный обряд.

– Из-за чего хоть подрались? – Неожиданно спрашивает Добромысл.

– Конюшня.

– Чего?

– Нечисть напала на конюшню, я хотел очистить её от пламени, а отец желал послать священника.

– Всё-то у вас Стрижинских через драку решается.

– Что есть то есть... Не я это начал

– Прямо таки не ты.

– Брось, Добромысл, ты прекрасно знаешь что не я... Она была особенной... одной такой. Во всём свете не отыскать вторую такую, а другой мне не надо. В любом случае семя моего рода не пропадёт из-за моей смерти. Да и какой смысл жениться и заводить детей если там во тьме есть зло, что способно отобрать и то и другое.

– Не надо, Олег.

– Что не надо?

– Не надо тебе прилагать усилия, чтобы убедить меня в своей правоте, я и так её признаю. Но двоим нам не справиться. Только с поддержкой сельчан у нас есть возможность прогнать их, а этому не дано сбыться, покуда твой отец стоит во главе. Переубеди его, или выступи на вече сам.

– Меня не станут слушать. Я для них словно моровое дитя.

– Тогда остаётся только отец.

– Вече так вече. – Мгновенно соглашаюсь я, что даже Добромысл повеселел. – Вот ещё что... я хотел спросить. Мальчик или девочка.

Гостяга слегка расширила глаза.

– Что? – Удивлённо спрашивает Добромысл, смотря то на меня, то на свою жену. – Как ты... я ведь сам только вчера узнал.

Загадочно улыбнувшись, я говорю:

– Отшельничество даёт свои преимущества.

– Ты не отшельник.

– Я близок к этому.

Поднявшись из-за стола я кланяюсь и говорю:

– Благодарю, а теперь простите, мне надо идти, скотину ещё кормить надо, да и вообще дел не впроворот.

– Нет у тебя никаких дел, лодырь несчастный.

Глава вторая

Я иду по городу при свете полуночной луны к старой хижине, в которой уже должны были собраться все мужики.

Мне не особенно и любы эти собрания, но сегодняшнее присутствие необходимо. Хотя кого я обманываю. Никто даже и не подумает пойти против отца. Лишь только безысходность заставляет меня идти. Безысходность и надежда с начинкой из гнева и жажды крови.

Я вхожу в большую хижину и усаживаюсь на одну из скамей вместе с остальными мужиками.

Жаль, что Добромysl не смог прийти. Полагаю, у него весомая причина, по которой он отсутствует. Придётся мне одному убеждать народ сплотиться воедино. Просто прекрасно, а впрочем здесь с него не особо большой прок бы был, точнее никакой.

Наконец подходит время, перед людьми встаёт мой отец и говорит:

– Здравствуйте, с кем я сегодня не встречался. Мы собрались сегодня здесь, дабы обсудить, как нам обезопасить себя и наши семьи.

– Да чего тут обсуждать, надо покончить с этой напастью раз и навсегда! – выкрикиваю я хрипящим голосом из толпы и получаю дружественные возгласы.

Отец не замечает меня и говорит:

– Ну и кто у нас там за смельчак. Выходи, расскажи нам, как ты это предлагаешь сделать.

Ну, пошли.

На моём лице появляется улыбка, а мои глаза искрятся радостью. Моё сердце начинает колотить с бешеной скоростью, разгоняя кровь по телу, вгоняя в краску. С глубоким выдохом, я поднимаюсь со скамьи, наши глаза встречаются – на его лице появляется удивление. Подойдя к отцу, я и встаю бок о бок с ним, улыбка, предназначенная для отца, исчезает на её место приходит каменная невозмутимость. Однако порозовевшая кожа выдаёт ураган чувств.

– Как вам всем известно, я Олег Стрижинский. Не знаю, ведомо ли вам, но сегодня Даша Мафьевна была найдена мёртвой, полностью обескровленной. Хотя конечно известно. Кто-то более правдивую историю, кто-то изрядно приукрашенную... Я не сомневаюсь, что такое ждёт каждую женщину в нашей деревне. Как это уже случилось с Верой, Дашей, Ирой и так ещё долго можно называть имена погибших, да и вы тоже их прекрасно знаете. И сколько же нам терпеть беспредел этих чудовищ? Скольких нам ещё нужно потерять, дабы вы поняли, что мы должны дать им отпор? Чтобы вы подавили в себя страх, заставляющий вас закрывать глаза, опускать голову, и бубнить себе под нос о сожалении и негодовании!?

– Да кто ты такой чтобы судить нас, кто дал тебе право!? – кричит Скороговор.

– О как ты запел! – вмешивается Мудроглас. – А недалече как вчера именно так себя и вёл! Говорил: «Ай-ай как нехорошо». Словно баба какая!

– Ты кого это бабой назвал!?

– Ясное дело кого! Хотя ты прав. Не баба; у неё смелости то побольше будет! А до Олега тебе как до верхушки берёзы с твоим пузом.

– Ах ты, псина, вот я тебе сейчас...

Прежде чем они начали буйнить, их хватают и не дают сцепиться. Дом наполнился возгласами поддержки, осуждения и оспаривания, чьё пузо больше.

– А НУ ВСЕ ЗАМОЛКЛИ!!!! – громогласно ревёт отец, чуть ли не стреляя искрами из очей, аки Перун, коего он же и отверг.

И всё же грозный рык да угрожающий взгляд приструнивает толпу, заставляя их сесть по местам. Даже я невольно подкашиваюсь перед отцовским духом, лишь только сила воли заставляет меня выпрямиться, пока никто не заметил.

Отец поворачивается ко мне:

– И как же ты намерен это сделать? Как вы все намерены сделать это?! Вы ведь даже не знаете, с чем имеете дело! Вас просто перебьют, никто не выживет!

– Для этого нам понадобится нарушить один из твоих запретов, – говорю я холодным, твёрдым голосом. – Мы должны пойти к ведунье. К той самой, которая спасла мою сестру и даже матушку при её рождении, не говоря уже о помощи

доброй половине земляков если не всем.

– А Олег дело говорит. – Доносится из-за скамей.

– Нет! Выходить ночью в лес к врагу глупо и смертельно опасно, покуда я старейшина не один из вас и носа не сунет в лес. К тому же мы христиане и должны ими оставаться. А каждого кто не согласен, я лично посажу на кол!

– Тогда начни с меня. Ибо я славлю своих богов, не встаю на колени перед совершенно чуждым для меня.

– Закрой свой рот, пока я его не закрыл, – шёпотом говорит мне отец.

– Это вече здесь всем разрешается право голоса. Даже не знаю, что ты обрёл в Царьграде, да и не хочу знать, если это заставляет предавать огню память предков. Вот только не об этом у нас разговор был.

– Ты говоришь о праве и уважении обычаев. Но сам же их нарушаешь.

Играешь на обычаях, отец, уводишь разговор в другое русло. Многому же ты научился у Владимира.

– Ты должен слушаться своего отца относиться к нему с уважением. Как ты смеешь говорить о том, чего сам не соблюдаешь?

– Я хотел бы, отец, очень хотел соблюдать их, но каждый из нас выбрал разные стороны. И хватит уже избегать нашего основного разговора. Наши обычаи, как и наши боги, устоят, не смотря на все ухищрения поганых, нам же надо думать, как выдворить эту заразу. Частокол, стены и ров не помо-

гают, потому что, как вы все и так знаете, ровно на следующий день он исчезает, словно его и не было. Сборы ополченцев и вылазки в лес, тоже ничего не дали, даже больше. Часть просто напросто не вернулось, как и тех жрецов коих ты призвал из Киева. А сколько это длиться? Ведь не месяцы, отец, ГОДЫ. Мы уже так свыклись с потерями еды, зверья, людей, как будто это обычное дело. Да я младше многих из вас и мудрости во мне куда меньше. Но даже я понимаю, что беда не уйдёт сама собой, если мы будем просто собираться и обсуждать её. Надо предпринимать попытки находить решения и использовать их. И вот он я стою здесь перед вами, говорю о способе избавиться от нечисти, который вы и сами нередко обдумывали про себя. Ты обязан принять это решение ради своего народа. А если ты отказываешься от него из-за своей веры, оставляя нас ни с чем, так откуда тогда возникнет уважение не то что моё к тебе, но и твоих земляков, отец?

После этих слов отец ударяет меня в лицо прямо туда же. На этот раз я удерживаюсь на ногах, но с большим трудом.

– Пошёл вон! – кричит на меня отец.

Я поворачиваюсь к людям.

– Пойдёт ли со мной кто-нибудь или вы так сильно боитесь моего отца?

– Пошёл вон! – снова кричит отец.

Я не отвожу от них взгляда, прошибаю их им, читаю страх, скованность и совершенное нежелание перечить моему отцу.

Я направляюсь к выходу и, остановившись в дверях говорю:

– От этого собрания мало толку.

После чего выхожу за дверь.

Глава третья

Снаружи свежо, прохладно, спокойно.

Отец снова победил. И ладно, если это было бы между мной им, но наставить почти всех односельчан против моего призыва, обречь на медленную смерть в страхе и отчаянье. Самое печальное, что он знает. Знает и не желает принимать очевидное.

Батюшка, ты же знаешь, нет иного пути, нет и не будет. Когда ты перестанешь ходить слепо уверенным, в своей «непобедимой» религии? Когда ты, наконец, примешь истину такой, какой она есть и поведёшь людей к спасению? Одумаешься ли ты, пока не стало слишком поздно?

Я хватаюсь за голову, прислоняюсь к стене хижины, съезжаю по ней на землю.

Пусть. Пусть спрячутся, пусть остаются в неведении, но я не желаю этого, не желаю прятаться в норе как крыса, я желаю знать, желаю бороться. Надо идти к ведунье её дар прорицания поможет мне, должен помочь.

Я поднимаюсь на ноги и направляюсь к хижине ведуньи.

Её хижина находится на отшибе другого конца деревни, однако много времени это не займёт.

Время давно за полночь и люди крепко спят в своих хижинах, кроме тех, кто на вече. Но я иду по ночной деревне, освещённой луной и звёздами. И чем больше я отдаля-

уюсь от центра деревни, тем больше деревьев приветственно встречаются мне по дороге, словно безымянные стражники, оберегающие ночную тишину.

Слишком тихо.

С каждым шагом меня начинает одолевать странное чувство страха. Хотя может мне просто так казаться. Но внутренний голос говорит мне, что за мной следят.

Когда чувство страха становится слишком сильным, я оборачиваюсь и оглядываюсь по сторонам, но никого не находя, продолжаю идти дальше.

Как же я жалею, что не взял с собой топор или кинжал на крайний случай!

Через полчаса я дохожу до хижины ведуньи.

Это даже нельзя назвать хижинкой, скорее ветхой землянкой.

Я останавливаюсь у двери, собираясь постучать – изнутри слышится голос:

– Входи-входи, я тебя ждала.

Недолго думая, я вхожу внутрь. И предо мной предстаёт небольшое помещение, освещаемое лучиной.

Здесь не очень ухожено. Повсюду развешены сухие травы и коренья вместе с птичьими перьями, на полках стоят горшки с разными снадобьями.

Каких только вещей тут нет, какие только секреты не хранятся в этой хижине. Лишь одной хозяйке ведомо для чего всё это нужно.

Сама ведунья сидит на скамье, наматывая на верёвочку сухие листья неведомой мне травы.

У этой старухи седые волосы и пронизывающие душу голубые очи. Одета она в поношенную одежду, на которой видны различные символы великих богов.

Взглянув на меня, она говорит:

– Ну, проходи, садись, скажи, зачем пришёл.

– А коле ты знала, что я приду, значит и знаешь, что нужно мне.

Она кладёт травы на стол, поворачивается ко мне и смотрит своим усталым опечаленным взглядом.

– Мне-то ведомо и в том моя беда, но тебе знать не обязательно. Скажи, зачем тебе это знать?

– Чтобы остановить ужас, убивающий нас.

– Ты не боишься смерти – это плохо, – От её взгляда меня пробирает странная дрожь. – И всё же в тебе есть страх – это хорошо... Ты должен понимать, что у всего есть своя цена. К несчастью или к радости не мне её назначать. Пойми... прямо сейчас ты можешь отказаться от своей затеи, я угощу тебя едой дам испить отвара и ты заснёшь до утра. Когда же наступит утро, ты сможешь начать новую жизнь, к началу второго месяца зимы ты станешь последним из своего рода, но затем ты женишься на хорошей девушке, она родит тебе пятнадцать детей и всё у тебя будет хорошо.

– Что!?! Стать последним из рода!?! Оставить на погибель!?! Недопустимо!!! Я не мой отец!!!

– Зря ты ненавидишь своего отца... у него есть основания быть таким.

Кровь играет во мне, я открываю рот, чтобы возразить, но ведунья поднимает руку, веля помолчать.

– Есть и второй путь. Ты узнаёшь от меня все, что тебе необходимо и выходишь за дверь. От этого пути идут множество развилок. Их такое великое множество, что мне просто не удаётся увидеть всё. Я лишь знаю, что независимо от того какие решения ты будешь принимать, какую развилку не выберешь, все они приведут тебя к твоей гибели. Все кроме одной, и в этой развилке тебе удалось не только спасти родного человека, но и остаться живым, однако жизнью обычного человека ты не сможешь больше жить. Этот путь трудный и тонкий, словно лезвие ножа. Лишь раз оступишься и потерпишь окончательное поражение. Готов ли ты к такому?

– Если отступлю, буду жить счастливо с собственной семьёй, но лишусь сестры, брата и родителей. Если не отступлю, вполне возможно погибну, но род Стрижинских не прервётся на мне. Нет, не допущу гибели семьи, не допущу.

– Так тому и быть, – тут же говорит она. – Я расскажу тебе всё что знаю... Те создания, что творят зло в деревне, зовутся упырями. Они когда-то были людьми, но умерли насильственной смертью. Тёмная сила дала им возможность вернуться в их мёртвые тела, а так же наделила своими тёмными дарами, Они приходят чтобы мстить и мучить обидчиков, а затем и никак не связанные с ними души.

– Но если они бессмертны, то, как их убить?

– В этом самое интересное. Их нельзя убить, ведь они уже мертвы. Но можно выгнать их из собственных тел, используя их слабости. Первое – они боятся солнца, оно их усыпляет, вгоняет в мёртвый сон, от которого проснутся только к исчезновению последних лучей солнца в небе. Второе – «осиновый кол», только воткнуть его надо прямо в сердце иначе не поможет. Конечно, может подойти любой острый и длинный предмет, но он их лишь усыпит на короткое время, и только осина не даст упырю вновь возродиться. Третье – «огонь». Это стихия духов и она прекрасно сочетается с духовной силой упыря, а потому и горят они очень хорошо. Четвёртое – «серебро», которое является святым металлом, сжигающим их плоть. И есть ещё кое-что, они не могут войти в дом без приглашения.

– А их сильные стороны?

– Хорошо... Другие до тебя интересовались их слабостями, их сильными сторонами никогда. Видишь ли, когда ты ограничиваешь себя в одном, то получаешь преимущество в другом...

– Ты говоришь другие? До меня был кто-то ещё?

– Да. Ты не первый, но ты будешь последним.

– Тогда расскажи мне всё, что не сказала им.

– Очень хорошо, Олег. У упыря есть множество сильных сторон. Они могут сковать тебя одним лишь взглядом, а так же подчинять тебя своей воле. Не надо забывать об их

необычайной силе и скорости, но самое главное их оружие – клыки. От укуса упыря человек начинает испытывать самые ужасные чувства: страх, потеря самообладания, отчаяние и даже нежелание жить. Требуется большая сила воли, чтобы противостоять этому. Поэтому не позволяй упырю тебя укусить. И чем старше упырь, тем он сильнее и в нём могут открыться новые тёмные способности.

Затем она замолкает, давая мне время осмыслить всё то, что она мне сказала.

– Итак, я сказала тебе всё, что все-то, что ведомо мне. Теперь я хочу спросить тебя, как ты поступишь с этими знаниями?

– Буду биться за свою семью.

Она кивает головой и смотрит на меня своими грустными глазами.

– Когда ты пришёл сюда, ещё можно было отступить, когда я спросила тебя: «готов ли ты?», ещё можно было отступить, но когда я начала рассказывать тебе об этих чудовищах назад дороги не стало. Теперь у тебя один путь и если ты сойдёшь с него, судьба заберёт у тебя куда больше, чем даст. Ты лишишься своей души.

Затем она встаёт и подходит к полке, берёт там что-то и направляется ко мне.

– Дай свою ладонь, мальчик, – говорит она.

Я протягиваю свою ладонь. Ведунья берёт её и вкладывает что-то круглое на ощупь с отметиной на одной стороне.

Ведунья убирает свою руку, и моему взору предстаёт круглый оберег «звезда Перуна».

– Хоть твой отец принял христианство и заставил то же сделать вас, твоё сердце признаёт лишь наших богов. Твой путь – битва, Перун направит твою руку. Когда надежда уже угаснет, призови его силы, они в твоей крови в твоей душе.

Она касается моей щеки своей морщинистой рукой и говорит:

– Кровь варяга передалось тебе от твоего отца, но так же в тебе присутствует кровь, передавшаяся от твоей матери – кровь лютичей. Кровь лютичей – кровь волков. Когда станет одиноко, кровь твоих предков не даст тебе упасть духом и сохранит как твой разум, так и твою душу.

Кровь лютичей? Я всегда считал что мой род идёт от бера – хозяина берлоги и стража лесов. Хотя это сейчас не важно.

Я встаю, кланяюсь ей, как полагается, и говорю:

– Спасибо тебе, хозяйюшка.

– Береги себя, Олег, ибо зло надвигается. Пусть предки укажут тебе путь и не дадут упасть. Теперь назад дороги нет. Как только ты выйдешь, твой путь к освобождению своего народа начнётся.

Я кланяюсь ей ещё раз и направляюсь к выходу.

Глава четвёртая

Выйдя наружу, подхожу к ближайшему дереву и облакачиваюсь на его ствол.

Нежить, значит. Возможно теперь, когда я имею представление о враге, мне удастся уговорить тройку-другую человек, вне вече. Начать прочёсывать леса, разводить вокруг ночлежек костры. Теперь они никуда не денутся.

Я отталкиваюсь от дерева и направляюсь в свою родную, едва смыкающую очи деревню. Но уже через пару шагов меня настигает чувство тревоги. Сердце бьётся всё быстрее и быстрее, дыхание учащается, тело покрывается холодным потом. Я останавливаюсь в надежде, если не увидать своего преследователя между деревьям, трав и земных неровностей, то хотя бы услышать шуршание его шагов по траве. Наконец мне слышатся чьи-то шаги.

Я подбегаю к ближайшему дереву, отламываю ветку, выставляя вперёд острый конец к незнакомцу.

– Кто там? – спрашиваю я твёрдым и воинственным голосом.

– Неужели ты так напуган, что не можешь меня узнать? – спрашивает женский голос.

Этот голос! Прекраснее нет на свете голоса. Носительница его была ничуть не хуже. Она была прекрасна, добра, светла, и она была живой.

– Вера, это ты?

Она подходит ко мне ближе, дабы я смог её разглядеть.

Кожа Веры настолько белая, что трудно сказать, где граница между телом и её белоснежной одеждой. Во взгляде её таится необъяснимая тьма, холод и голод. Улыбка больше напоминает оскал, среди белоснежных зубов видны четыре острых клыка. Её волосы всё такие же светлые, но это единственное, что не подверглось изменению. Но как это возможно, тело её уже больше года предано земле?

Они сделали её...

– Ты упырица!

С её лица исчезает улыбка, и она говорит мне холодным, пронизывающим мою душу, голосом.

– Я присоединилась к тем, кто смог освободиться от смерти и если ты пожелаешь, я могу отвести тебя к тому, кто делает тебя подобным мне.

– Нет! Не смей ко мне приближаться! – говорю я, вставая в боевую стойку. – Надо было сжечь тебя, вместо погребения!

Она останавливается, смотря на меня разочарованным взглядом.

– Но почему, сердце моё? Неужели ты не хочешь быть вместе со мной?

– Хочу... но не так... Тебе стоило дождаться меня в нави.

Немного погодя я спрашиваю холодным голосом:

– Кто сделал тебя такой?

– А разве это важно?

– Я хочу знать имя того, кто сделал тебя такой. Хочу знать того кому пронзить сердце.

Она хохочет не своим громким звонким, но в то же время глубоким голосом так сильно, что у неё из глаз начинают идти, нет, не слёзы, кровь.

– Что тут смешного?!

Она приходит в себя и смотрит на меня кровожадным, жестоким и самоуверенным взглядом.

– Не будь глупцом, Олег, он очень силён, он старше деда твоего прадеда. Но не волнуйся, ты с ним всё равно встретишься.

– Зачем я вам нужен?

– Нет, МОЕМУ хозяину нужен не ты, а твоя сестра. Даже если бы ты был дома, а не на вече с остальными мужчинами, то всё равно не смог бы нам помешать. И хоть нам было велено убить всех, кто помешает забрать твою сестру, я просила его за тебя и он согласился. Он согласился обратить тебя. Как жаль, что я не обладаю необходимыми силами, дабы обратить тебя прямо сейчас.

– Что?! Вы забрали Надежду?

– Да забудь ты о них. – Говорит Вера пренебрежительным голосом. – Ты им не нужен, но ты нужен мне. Признаюсь, я даже испугалась, когда не нашла тебя в доме, ведь завтра нас уже здесь бы не было и для нас навсегда была бы потеряна возможность быть вместе, но я нашла тебя и сейчас мы одни.

Вера подходит медленными и уверенными шагами.

«Нам было велено убить всех, кто нам мешает забрать твою сестру», – звинит в голове.

Моя Матушка и мой брат мертвы? Нет.

– Не верю, они не могли умереть!

– Но это так, не волнуйся, я лично позаботилась, чтобы они не слишком долго страдали. – говорит она, пронзая меня никогда не свойственным ей холодным взглядом.

Как же она изменилась. Пропитана смертью, жестокостью, лишена всякой жалости. Не верю, не верю, что она такова на самом деле. Не верю, что она убила мою семью, не верю, что моя семья вообще мертва. Она меня обманывает. Я обязан выжить и спасти их.

Она подходит с уверенностью, что я не причиню ей вреда. Хорошо, это поможет мне.

Я остаюсь стоять неподвижно и жду, когда она подойдет поближе. Вера протягивает руки.

Ещё один шаг и ещё. Сейчас.

Левой рукой я хватаю Веру за плечо и тяну к себе, а правой вонзаю в её сердце ветку. Зрачки её расширяются, она замирает и обвисает на моих руках.

Хорошо, ветка пронзила её сердца.

Я кладу её на землю и остаюсь над её мёртвым и прекрасным телом.

Осина. Если ведунья не соврала, её душа свободна. Волосы всё ещё такие же мягкие, а кожа всё такая же гладкая.

Грустно. Как же грустно терять её вновь. Как же больно терять любимую вновь. Пусть она стала жестокой, пусть она стала упырицей, пусть она хотела отвести меня к своему повелителю, дабы превратить меня в упыря. Пусть. Я всё равно её люблю, и всегда буду любить.

Из очей моих падает несколько капель, но не больше. Я не позволяю себе рыдать, не позволю себе горевать, не сегодня.

– Прости меня, Вера, прости, что не сберёг. Однажды богиня смерти, Марена, забрала тебя у меня силой, теперь же я молю её, дабы она приняла твою измучившуюся душу в своё царство. Прошу тебя Вера не ищи возмездия, обрети покой.

Я встаю на ноги и смотрю на землянку ведуньи:

– Ты сказала, что если я пойду по этой тропе, то смогу спасти семью. – В ответ мне раздаётся лишь молчание. – Прошу, упокой её тело и душу.

После этих слов поворачиваюсь к дому и бегу что есть сил.

Когда же я наконец-то добегаю до него, то останавливаюсь не в силах сделать ни единого шага, даже не в силах пошевелиться.

Люди бегают с вёдрами, пытаюсь потушить разбушевавшееся пламя, охватившее отцовский дом.

Мои родные Нет, не могут они быть там. Не верю.

К моим конечностям поступает свежая кровь, возвращая возможность двигаться, и я бегом бросаюсь к дому – мужики, завидев меня, кричат:

– Стой! Стой кому говорят, – не переставая кричат они, и пытаются поймать меня.

Но мне удаётся ускользнуть от их рук, и я вбегаю в хижину.

Мне в очи сразу же въедается дым, я прижимаю рукав ко рту, чтобы хоть как-то дышать в этом пекле. Не теряя времени пробираюсь дальше в хижину, оглядываясь по сторонам и ища хоть кого-нибудь из своей семьи. Но жаркое пламя и ядовитый дым ограничивают моё зрение. Чудом я замечаю очертания какого-то человека, подбегаю к нему и вижу своего отца, а также лежащие на его коленях изодранные тела матушки и Микулы.

НЕТ, НЕТ! ЭТО НЕ ПРАВДА, НЕ ПРАВДА!

Всё моё тело дрожит, из очей моих текут слёзы. Я стараюсь дышать ровно, но это у меня не особо получается. Я начинаю задыхаться, и для того чтобы хоть как-то отвлечься, осматриваюсь по сторонам, ища сам не знаю что и никого здесь не нахожу.

Никого здесь больше нет. Никого, даже Надежды.

Я опускаюсь на колени перед отцом и спрашиваю его:

– Где Надежда?!

Но отец меня не слушает. Слишком сильно и велико его горе.

Я его трясую, но он на меня даже не смотрит. Тогда я со всей силы бью его по щеке.

От удара он поворачивается ко мне, и я вновь спраши-

ваю его:

– Где Надежда?!

– Я... н... н-не знаю, когда я сюда пришёл здесь были только ... – не договорив, он начинает плакать над самыми близкими для нас людьми.

Надо уходить отсюда. Надежды здесь всё равно нет, а мёртвым мне не спасти её от этой нечисти. Похоже, отец не может идти сам. Но я не смогу сразу вынести его и брата с матушкой. Мой отец ещё жив, а матушка с братом уже мертвы. Их жизни мне не спасти, а тела пусть возьмет пламя Семаргла.

Я обхватываю отца и с силой увожу нас из этого пекла. С крыши падают горящие брёвна, порождая стену пламени, отрезая нам путь к выходу.

Проклятье. Как же выйти?

Пусть этот обвал и заградил нам путь, всё же одно из бревен образует своеобразный горящий мост, под которым бушует огонь.

А что если пойти по брёвнам?

Едва разглядывая эти, горящие желтым пламенем, куски дерева, я понимаю: продвижение будет малоприятным.

Я беру отца на руки и встаю на объятые пламенем бревно, отец касается моего плеча, и я смотрю в его заплаканные синие очи.

– Оставь меня здесь, сынок, а сам беги, – говорит отец побитым от горя голосом.

– Нет, батюшка. Рано тебе на тот свет отправляться. Держись, если ты упадёшь, то упаду и я.

Отец хватает меня крепче, и я встаю на первое бревно. Меня обдаёт тепло перерастающее в жар. Наши одежды начинают загораться, жар постепенно распространяется по телу, вызывая боль, из-за которой я злобно рычу, но мой отец несмотря, ни на что не произносит, ни звука. Когда я оказываюсь в паре шагов от выхода, моя нога проваливается в бревно и застревает. Отец падает на пол, ещё объятый пламенем, а моя нога, судя по всему, начинает жариться, словно мясо на огне. От этой нестерпимой боли я кричу, как не кричал никогда прежде, словно зверь, угодивший в капкан. И словно дикий зверь я выдёргиваю ногу в надежде вырваться и вырываюсь, вместе с ногой, наружу вырываются языка огня и кусочки красных углей.

От подобной боли моё сердце начинает биться с невероятной скоростью, разгоняя кровь в теле и давая мне приток силы.

Я беру своего отца всего объятых пламенем и стрелой выбегаю из горящей хижины. Как только мы оказываемся снаружи, я кладу его и сам ложусь катаясь, дабы сбить с себя пламя.

Мужики подбегают к нам и обливают ледяной водой.

Измучившись после увиденного и пережитого мною, я ложусь спиной на мягкую траву, приводя мысли в порядок, смотрю на луну и звёзды в ночном небе.

Вера сказала, что им нужна Надежда и наверняка нужна им живой. Ведунья поведала, что к началу второго месяца зимы я останусь последним из своего рода. Значит, пока это время не настало, она будет невредима. Вера также упомянула, что завтра их здесь не будет. Забавно, раньше я бы просил богов, чтобы завтра наступило поскорее, сейчас я хочу замедлить время, дабы успеть поймать негодяев, похитивших мою сестру.

Прямо надомной появляется запыхавшийся Добромysl. Он садится на колени и говорит:

– Мы думали ты погиб.

– Вы были не далеки от правды. Вы здесь ничего не видели? Кроме пожара конечно.

– Видели... как от вашего дома, в сторону леса, тянутся кровавые следы.

– О боги!

– Что там произошло? – спрашивает Добромysl.

– Матушка и брат мертвы, Надежду забрали.

– Да что же это твориться?!

Я беру его за локоть и говорю:

– Помоги мне встать.

Он тут же берёт меня за руки и помогает мне подняться. Я делаю глубокий вдох, позволяя холодному ночному воздуху отчистить мою грудь от дыма. И снова обращаюсь к Добромysлу:

– У меня к тебе ещё одна просьба. Не мог бы ты дать мне

свою рубаху, а то моя ... – я показываю на свою сожжённую рубаху, висящую на моём теле, словно порванная тряпка.

Через дыры в рубахе видны обожжённые места на всём моём теле.

– Конечно. – Отвечает он, не колеблясь.

Мигом снимает с себя рубаху, я делаю то же самое.

Теперь ожоги на моём теле отчётливо видны, а о ногах вообще не стоит упоминать. Самое удивительное то, что волосы и борода почти не тронуты огнём. Вот уж везёт.

Взяв рубаху Добромысла, я надеваю её на себя. От соприкосновения с ней ожоги начинают болеть.

Но эта боль ничто по сравнению с той, которую я испытал в хижине, и я не имею ввиду огонь.

Я кладу руку на плечо друга и, улыбнувшись, говорю:

– Благодарствую, дальше я сам.

После чего я направляюсь к своей хижине. Однако Добромысл следует за мной.

– Что это ещё должно значить – «дальше я сам»?

Открыв ящик, я надеваю кожаный пояс и насаживаю на него оружие, одновременно отвечая ему:

– То и значит. Я справлюсь и без твоей помощи.

Достав кинжал и закрепив его на поясе, я надеваю на ноги чеботы вместо лаптей и продолжаю говорить:

– Я пойду один. Они забрали мою сестру, но совсем недавно, надеюсь, я смогу найти их по следам. Если пойду, завтра или хотя бы подожду пару часов, потеряю их.

– Давай хотя бы мужиков соберём.

Я издаю лёгкий смех.

– Посмотри на них. В их глазах страх ещё сильнее, чем на вече. Они не пойдут со мной ни за что на свете.

Порывшись в ящиках, между верёвкой и подковами я нахожу два пригодным факела, и выхожу.

– Тогда я пойду с тобой, – говорит Добромysl, как только я вышел, преграждая мне путь.

Я качаю головой.

– У тебя жена, сын, да и второй на подходе. Нет, жизнь лучшего друга я не собираюсь подвергать опасности. А мне терять нечего.

– Да ты из ума выжил. Хочешь пойти в лес один, неизвестно за кем? Да ещё собираешься при этом уцелеть и спасти свою сестру! – Добромysl качает головой. – Нет, одного не отпущу.

Я печально улыбаюсь и говорю ему:

– Добромysl, прости меня.

– За... – не успевает спросить он.

Я ударяю его обухом чекана по голове, и он падает на траву, потеряв сознание.

– За это, – отвечаю я. – Ты никогда не умел уходить от удара исподтишка.

После этих слов я бегом направляюсь в лес за своей сестрой.

Глава пятая

«Кровь, кровь, где кровь?», – всё время повторяется у меня в голове.

Бегу я лишь по, едва находимым, освещаемым лунным светом кровавым следам, оставленными этими чудовищами на траве и стволах деревьях. А в перерывах, когда я ищу следующий след, мой внутренний голос говорит мне: «Это ловушка», но я заглушаю его, не даю ему вырваться и остановить меня. После бездумной беготни, единственной целью которой было нахождение кровавых следов и дальнейшего преследования, я останавливаюсь. Следы пропадают в десяти аршинах от поляны с едва проросшей травой, купающейся в серебряных лучах лунного света.

– Попался, – говорит кто-то за моей спиной.

Тут же я ощущаю сильный толчок в спину, от которого взлетаю сажени на три так точно. От толчка я на мгновение теряю сознание, а когда прихожу в себя, то замечаю, что уже пролетел все деревья и стремительно приближаюсь к земле. Доверившись своим внутренним чувствам, принимаю нужное положения тела, благодаря чему не падаю лицом о молодую траву, а приземляюсь на четвереньки, отбив себе руки и ноги.

Жив. Я жив. О боги как же тело трясётся, ноги да руки еле сгибаются – я ничего не сломал, значит, это вспышка страха

сковала моё тело. Надо быстро что-то сделать, нужно придумать, как выйти из этого оцепенения.

На ум мне приходит лишь один способ. Я вынимаю кинжал из ножен – делаю себе порез на левой руке тем самым, причиняя себе боль: приводящая в чувство тело. Как только клинок разрезает мою кожу, я начинаю двигать своими пальцами совершенно без всяких усилий. Очень скоро ко всему моему телу возвращается подвижность. Я без усилий поднимаюсь и смотрю в ту сторону, откуда меня так сильно толкнули.

Там я вижу трёх человек, одетых в чёрные одеяния, у всех мертвенно бледная кожа. Пусть я не вижу их глаз, я но чувствую исходящую от них тьму и холод.

Упыри.

– Порезал себе руку, дабы отойти от оцепенения. Умно, – говорит первый из них.

Второй возникает передо мной, хватая меня за горло и поднимает над землёй с такой скоростью и силой, что мой кинжал выскальзывает у меня из руки. Я хватаюсь за его мертвенно бледную холодную руку, стараясь освободить свою шею, но мне никак не удаётся. Я смотрю на его лицо, и мои очи расширяются от удивления. Карие глаза, нос как у дятла, короткие жёлтые волосы, неповторимые черты лица шестнадцатилетнего мальчишки.

Бажан. Они и его подняли из земли. Знал же: надо было сжигать тела.

Он был моим лучшим другом, пока мы не влюбились в Веру. Но из нас двоих она выбрала меня – с того дня Бажан перестал относиться ко мне как к другу, я стал для него врагом. Когда наши с Верой семьи благословили наш союз, Бажан вовсе меня возненавидел. До свадьбы так и не дошло – через месяц мор сразил Веру, Бажан, узнав о её гибели, пронзил себя ножом от горя.

Убедившись, что я узнал его, он говорит:

– Она выбрала тебя даже после того как умерла, а ты.

– Ба... Бажан, – еле-еле выговариваю я.

Он сильнее сжимает мне горло.

– Не смей ничего говорить. Я видел пронзённое тело Веры. Её душа покинула тело, а ты знаешь, что это значит для упыря, Олег? Это всё равно, что смерть. И ты ответишь за это.

– Его велели не убивать, если ослушаешься, понесёшь наказание, – слышу я сбоку женский голос.

– Понесу, – говорит он упырице, после чего обращается ко мне. – Ты ведь знаешь, я не желаю ни жить, ни существовать в мире, в котором нет Веры.

После этих слов он обнажает свои длинные и острые, словно кинжалы клыки, ставит меня на землю и вонзается мне в шею. Как только клыки пронзают плоть, на меня тут же обрушиваются душевные страдания: чувство отчаяния, страха, самобичевания, желание умереть. Эти чувства забивают голову, отрезая от настоящего мира и погружая

в непрекращающуюся душевную агонию. Я теряю власть над своим телом, ноги подкашиваются, и я повисаю на руках Бажана.

Плохо. Как же мне плохо. Не хочу жить не хочу. Хочу, чтобы Бажан поскорее выпил мою кровь и лишил меня жизни. Хочу обрести покой, хочу встретиться с семьёй в загробном мире. Пусть отец сам спасает Надежду... Что?! О чём это я вообще думаю? Отец не может сейчас даже ходить не то, что спасать. Что же творят с моим разумом все эти муки? Права была ведунья, укус упыря действительно самое ужасное оружие. Ну, давай, Олег, ты сможешь противостоять укусу. Думай о Надежде, думай о тех ужасах, что случатся с ней, если ты не перестанешь висеть на руках своего бывшего друга и не заставишь его отпрянуть от тебя.

Собрав всю свою волю в кулак, я встаю на ноги и делаю первое, что приходит мне в голову. Поднимаю руки, которые Бажан не удосужился схватить своей мертвой хваткой, полагая, что я не смогу ничего сделать ими, будучи обездвиженным, и с силой вдавливаю большие пальцы ему в очи.

Как только по мои пальцам начинает течь что-то густое и холодное, Бажан отпускает меня и кричит отвратительным голосом, прижимая ладони к глазницам. Я касаюсь своей шеи и не чувствую сильного кровотечения.

Благо артерия не задета.

Не теряя времени, я снимаю с пояса факел, кладу его на землю снимаю с шеи подвешенный на верёвочке кремьень,

поднимаю кинжал с земли и выбиваю из него искры.

Ну же, давай... загорайся.

Покуда я выбиваю искры, поднимаю взор на Бажана.

Он катается по траве, продолжая кричать отвратительным голосом и прижимая ладони к лицу, остальные упыри с интересом смотрят на нас, коек-то из них жадно скалится в предвкушении развлечения на эту ночь.

– Тихо ты, – Говорю я, выбивая искры.

Услышав мой голос, Бажан останавливается, поднимается на колени прямо передо мной, убирает руки с лица, дабы я ужаснулся при виде двух дырок вместо глаз.

– Убью. Всё равно убью.

Наконец мне удаётся выбить искру и просмоленный факел почти сразу загорается, я беру его и бью им по лицу Бажана.

Бажан тут же вспыхивает синим пламенем, и бежит прочь от меня с криком, от которого из ушей чуть ли не идёт кровь, прямо на двух упырей. Когда Бажан приближается к ним, они разбегаются в стороны, позволяя ему бежать дальше и скрываться среди деревьев.

Я осматриваюсь по сторонам, и насчитываю пару дюжин упырей молодых и старых, чьи взоры направлены в сторону, в которой скрылось горящее тело Бажана.

Пользуясь их потрясением, я поднимаюсь на ноги и бегу прочь с поляны – когда я добегаю до её середины, меня окружают упыри. Я снимаю с пояса ещё один факел и поджигаю его.

Их настойчивость меня удивляет, они видели, что произошло с одним из них и всё равно пытаются меня остановить, хотя теперь они будут остерегаться меня, в отличие от прошлого раза. Можно попытаться сбежать, хотя вряд ли из этого что-нибудь получится, учитывая их скорость. Попытка – не пытка так сказать.

Я стремительно приближаюсь к первому упырю.

Поначалу он выглядит уверенно, но чем ближе я подбегаю к нему, тем его уверенность колеблется всё сильнее, а на её месте проступает животный страх перед огнём. Когда остаётся два шага от меня, он исчезает, боясь загореться.

Как они только умудрились поджечь хижину родителей с такой боязнью?

Не останавливаясь, я бегу дальше. Добежав до конца поляны, я чувствую, как по моей спине проходит что-то острое, резко оборачиваюсь и вижу, что у одного из них неестественно длинные и острые ногти.

– Стоило мне уйти ненадолго, как вы уже успели потерять одного упыря.

Я смотрю на других упырей и вижу в их очах страх перед ним. Похоже он их старейшина.

Упырь убирает со своих ногтей кожу, после чего говорит:
– Начнём охоту.

Внезапно какая-то тёмная сила, словно волна, окутывает меня, и сам воздух становится ядовитым как будто здесь полным полно дыма.

Однако я в чистом, без намёка на дым, лесу.

Старейшина, по всей видимости, выпустивший эту тёмную силу, замечает, как я задыхаюсь.

Он зло улыбается, обнажая клыки, и говорит:

– Ты чувствуешь тьму? Интересно. Делайте с ним что хотите, но он должен быть живым, когда я им займусь.

После его разрешения упыри каким-то образом поглощают всю эту ядовитую силу, и у всех них отрастают ногти подобно старейшине.

Похоже, я не доживу до следующей ночи.

Оскалившись и издавая отвратительные возгласы, упыри нападают на меня, но я взмахиваю факелом, и они отскакивают от меня, закрываясь от огня руками, после чего я со всей прыти бегу в лес, размахивая факелами во все стороны, дабы не дать им меня ранить. Боясь пламени, они отбегают от факелов.

Пока что у меня есть силы и есть огонь, но факелы, хоть и быстро загораются, а жар от них как из пекла, горят они совсем недолго. Первый факел уже начинает догорать и время, когда они наберутся храбрости и пойдут в наступление, неумолимо приближается.

Вынудил меня чёрт создать такие факелы.

Мой первый факел потухает, и они, нападают на меня чуть смелее. Мне не удаётся защищаться со всех сторон, и как только я отгоняю упырей спереди, по моей спине проходит волна болезненных порезов. Пытаясь ослабить меня, они на-

носят мне порезы с разных сторон, ускользая от факела, и, как не странно, каждый удар этих острых ногтей напоминает мне соколиные когти, прорезающие плоть и отнимающие силы.

Мои раны с необычайной силой кровоточат, и с каждой потерянной каплей крови моё сердце бьётся всё быстрее и быстрее, заставляя терять кровь с большей силой. Время на исходе. Единственное что я могу сейчас сделать, так это забрать хотя бы одного из них с собой.

Упыри не заставляют себя ждать, полосую меня без остановки и отбегая на безопасное расстояние. Я бегу с факелом впереди и, сжимая кинжал покрепче, не в сила удержать что-либо тяжелее и действеннее, отмахиваюсь от нападающих на меня со всех сторон упырей, дабы хоть как-то обезопасить себя. Стоит мне приблизиться к упырям у меня на пути – они мгновенно исчезают, а их напарникам удаётся незаметно выскочить из-за деревьев и нанести мне очередные травмы.

Мои силы подходят к концу, сердце бьётся как бешенное, готовясь вот-вот затихнуть, дыхание становится чаще, сильная слабость настигает меня. Мои ноги перестают слушаться меня. На последнем издыхании я делаю ещё один шаг, запинаясь о корень и падаю на землю. Поднявшись на колени, тяжело дыша, я смотрю на окруживших меня упырей.

Я не собираюсь молить их пощадить меня, не дождутся. Мир предков – мир навь, жди меня я иду к тебе.

Старейшина совершенно спокойно подходит ко мне.

Он не боится факела в моей руке, похоже знает, что я истратил все свои силы.

Наклонившись передо мной, он снова улыбается.

Боги, как же я хочу его убить.

– Такая стойкость, такая дикость, такая жажда жить, – он закрывает глаза и вдыхает воздух, будто хочет ощутить мой дух, после чего открывает их и продолжает говорить. – Да ещё и задатки волхва. Ты интересный человек. И, несомненно, ты станешь прекрасным прислужником. Всё же лучше чем эти.

Собрав в себе последние остатки своих сил, я сжимаю кинжал и вонзаю ему в его мёртвое сердце, говоря ему:

– Не дождёшься.

Его глаза расширяются от удивления, со злостью наблюдая за мной, он открывает рот, словно пытается дышать, после чего падает как бревно.

– Это мой вам прощальный подарок, – говорю я улыбаясь.

Их лица снова наполняются ненавистью. Они готовятся разорвать меня на куски, но ту слышится вой. Они поворачиваются в сторону, откуда доносился вой и через мгновение один из них кричит:

– Бежим!!!

В этот самый миг из-за деревьев на упырей набрасываются волки. Те немногие везунчики, которых ещё не загрызли эти огромные звери, а они действительно огромные, броса-

ются наутек, захватив с собой тело старейшины. После этого я падаю на бок, теряю сознание, но перед тем как уснуть замечаю две огромные лапы, а также ощущаю резкий запах слюны и крови, исходящий из волчьей морды.

– Предки я иду к вам

После чего я теряю сознание.

Глава шестая

Я нахожусь внутри какой-то каменной комнаты.

Похоже – пещера, причём, судя по следам топоров и кирок, лежащих в тёмном углу, выбитая. Странно: здесь нет ни единого факела. Почему же тогда я вижу эту комнату во всех подробностях, вижу каждую неровность каждый след в скале?

Оглядываясь, я замечаю сидящую девочку, прижавшуюся в углу. Девочка сидит, обхватив руками колени и опустив голову, плачет, всё время повторяя:

– Батюшка, Аввакум, Олег, М-ма-ту-ш-к-а-а-а.

Я внимательно вглядываюсь в это маленькое тело и узнаю по этим длинным жёлтым волосам, длинным и худым, но в то же время красивым гладким и белым рукам свою сестру.

– Надежда, – зову я её.

Но она меня не слышит. Я пытаюсь подойти, но у меня не получается.

Где моё тело? Что я вообще такое?

– Надежда! Надежда-а-а-а!!!

Сзади открывается дверь и в темницу входят две девушки одетые в белые одеяния со свечами в руках, горящими синим пламенем. Они улыбаются ей, и я вижу две пары клыков сверху и внизу. Одна из них говорит:

– Не бойся, пойдём с нами, поешь, познакомишься с нашим хозяином, – улыбка упырицы становится ещё шире, и в нём проявляется нескрываемая жестокость и радость предстоящего развлечения.

Она берёт Надежду за руку – Надежда отчаянно отбивается, но упырица держит Надежду мёртвой хваткой. Я кричу на них, но они лишь мимолетно смотрят на меня, после чего пренебрегающе отворачиваются.

Боги помогите мне. Помогите хоть кто-нибудь!!!

Я просыпаюсь и резко поднимаюсь, всё моё тело тут же загорается от боли. Я падаю на постель, зажмуриваю глаза от нестерпимой агонии.

– Лежи, не вставай, – слышится молодой женский голос.

Я снова открываю глаза и вижу надо мной девушку удивительной красоты

У неё тёмно-зелёные очи, длинные жёлтые волосы, что падают с плеч по её крепким рукам наполненным силой, которые больше подошли бы витязю. Она довольно небольшого роста, но это только подчёркивает её прекрасный облик. А в её взгляде чувствуется теплота и какая-то сила, которую я видел у воинов. Да и одета она в кожаную броню, вместо поневы или сарафана.

Я осматриваюсь вокруг и вижу над собой огромную круглую палатку, по размерам сравнимую с хижинкой.

– Эта палатка для больных, но ты сейчас единственный человек кому она нужна. Кто ты? – спрашивает она.

– Моё имя Олег. А кто ты и как я здесь оказался? Последнее что всплывает в моей памяти – дыхание волка надо мной.

Она настораживается и спрашивает меня, продолжая пристально смотреть, изучая мой взгляд, выражение лица.

– Моё имя Ольга, мы с моими братьями нашли тебя в лесу без сознания, никаких волков там не было и в помине, мы принесли тебя в лагерь. Нашего лекаря пока нет в лагере, так что нам пришлось самим заняться твоими ранами. Как видишь, ты всё ещё жив.

Ольга не перестаёт наблюдать за мной.

Где-то я уже видел этот пристальный взгляд. Точно. Подобным образом зверь смотрит на своего противника, стараясь понять, что он предпримет дальше.

– Откуда вы здесь взялись?

– Я, как и мои братья состоим в братстве воинов под названием «лютичи». Лютичи – племя, которое существовало когда-то.

– Лютичи говоришь? Интересное название для братства воинов.

– Мы носим это название как дань уважения нашим предкам. Мы расположились недалеко от того места, где тебя нашли. Когда меня и ещё нескольких человек послали прояснить обстановку в вашем поселении, мы нашли тебя лежащего среди деревьев всего изодранного в клочья. Встречу с твоими родичами нам пришлось отложить, все силы ушли на тебя.

Её голос слишком уж ровный, а взгляд слишком холодный, чтобы это было правдой. Очень уж всё наигранно в её рассказе. Так и хочется спросить, откуда они пришли, почему, только сейчас, как они, не услышав шума битвы, нашли меня в «лесу», да притом не увидела следов борьбы и лап, которые обязаны были там остаться.

Но я делаю вид, что верю в её рассказ.

– Выходит, я обязан тебе и твоим братьям жизнью.

– Выходит так. Признаюсь, ты заставил меня понервничать, – она направляет свой взгляд на мои перевязанные раны – а эти раны у тебя от кого? Не от медведя случаем?

– Нет, это кое-что более страшное, Но ты не ответила, откуда вы здесь взялись и я не о походе на разведку. Откуда вы пришли и зачем?

– Откуда на тебе ожоги?

– У нас загорелась хижина, – отвечаю я.

Ольга явно не хочет отвечать на мой вопрос и уходит от вопросов.

– Тогда отдыхай. Тебе понадобится месяц, дабы хоть немного залечить раны.

– Нет, я не могу столько ждать, у них моя сестра. Я должен найти тех, кто её похитил.

– Не волнуйся, мы займёмся этим. Для того мы и здесь. Мы вернём твою сестру. И к тому же ты слишком слаб и твои раны очень серьёзные, тебе понадобится время, чтобы они хоть немного зажили.

Я смотрю в её глаза, и вижу там решимость и расчёт.

Неужели она и в правду воин? Нет, не может быть. Или всё же может?

Она встаёт и направляется к выходу, но затем останавливается, подходит ко мне, наклоняется и говорит:

– Не волнуйся, с ней всё будет хорошо, а теперь отдыхай.

После чего она поднимается и выходит.

В одном она права, я слишком слаб сейчас. Но всё-таки я ей не верю, мне хочется ей верить, но я знаю, она врёт. Я должен найти сестру, но сначала я должен немного поспать.

Я медленно ложусь набок, ощущая, как ничем не прикрытая плоть, трётся о травы и бинты. Наконец, заняв удобное положение, я засыпаю.

Проснувшись через пару часов, я чувствую как сил моих стало только меньше, похоже раны упырей не такие уж и обычные. Пробую встать на ноги, и тут же дикая боль просыпается во всём моём теле. Я издаю кряхтящий звук, и этого, к сожалению, хватает, чтобы Ольга услышала меня.

Она стремительно вбегает в большую палатку и хватается за плечи, не давая мне двигаться и причинить себе ещё больше боли и одновременно сдавливая раны.

– Твои раны должны зажить. Для этого тебе нужно как можно меньше двигаться.

– Мне нужно подышать свежим воздухом, и отпусти меня, у меня, кажется, кровь идёт.

Ольга резко убирает руки.

– Хорошо.

Она берёт мою руку, кладёт себе на шею и помогает встать. Когда я встаю, замечаю на себе совершенно новую одежду.

– Когда это вы успели меня переодеть?

– Пока ты был без сознания.

– Вы мне хоть срам прикрыли, когда переодевали?

– У нас задача была твою жизнь спасти, а не честь сохранить.

– Справедливо.

Мы выходим из палатки, и взору открывается достаточно большой лагерь.

Он расположен на небольшом холмике. Отсюда открывается прекрасный вид на лес. Несмотря на то что холм едва дотягивается до макушек деревьев тут довольно много места. Судя по количеству палаток: здесь должно быть около двадцати-тридцати человек, однако сейчас здесь нет, ни души.

– Где все?

– Ещё не пришли. Мы прибыли сюда небольшим числом и подготовили всё к их приходу.

Говорит Ольга и ведёт меня к бревну. Когда мы подходим к нему, Ольга помогает мне сесть, после чего садится рядом со мной и смотрит на мою рубаху.

– Твои раны кровоточат.

Я смотрю на рубаху затем на Ольгу.

Как она узнала? На мне ни видно ни капли.

– Их надо перевязать, – продолжает она. – Снимай рубаху, я их поменяю.

– Что?

– Снимай рубаху, я перевяжу твои раны.

Я снимаю рубаху, смотрю на свою грудь.

Всё тело обмотано повязками настолько, что просто нет ни одного свободного места.

Ольга начинает с повязок на руках. Когда она снимает их, из ран тут же сочится кровь а по краям видны нарывы с почерневшей кровью которая, кажется, пытается свернуться но не может. Ольга мгновенно прикладывает на них свежие травы и повязки. Закончив с руками, она переходит на спину и грудь. Перевязав мне последний кровоточащий гнойник на теле, Ольга внимательно глядит на свою работу и говорит:

– Травы должны помочь снять боль и очистить раны... –

Ольга смотрит мне через плечо в сторону солнца, – теперь пойдём обратно в палатку, ты должен поспать.

Она явно настроена, загнать меня в постель. Похоже, скоро должны вернуться её друзья. Значит, мне удастся с ними встретиться.

– Никуда я не пойду, мы только что вышли, я хочу подольше здесь побыть.

– Не хочешь в палатку?

– Нет.

Ничего не ответив, она молча осматривает меня и гово-

рит:

– Ты потеря много крови – я принесу кое-что, что поможет.

За минуту она забегает в палатку и выбегает с чашей. Подойдя ко мне, она подносит чашу к моему рту.

– Выпей.

Мой внутренний голос говорит мне: «Не пей». Но я снова не прислушиваюсь к нему и опустошаю чашу до дна, утолив свою жажду. Но как только я возвращаю чашу Ольге, меня начинает тянуть в сон, и я падаю ей на колени.

– Прости, но тебе необходим отдых, а остальных тебе всё равно не дождаться, не волнуйся, я отнесу тебя в палатку.

Просто прекрасно. Надо было довериться своему внутреннему чутью. Впредь уж точно буду его слушаться.

Глава седьмая

Я стою в ночном лесу, повсюду веселятся черти, напивая песни, играя друг с другом между стволами вековых столбов деревьев постоянно оглядываясь на меня и то ли зло, то ли играючи улыбаясь.

Среди всего неистовства я замечаю могучего широкоплечего и широкогрудого великана отдалённо похожего на человека, покрытого зелённым мхом с головы до пят, хотя и пятнами их назвать то сложно; скорее это корни, что вышли из чёрной земли вместо того чтобы держаться за неё. Очей его я не вижу и всё же готов поклясться, что они скрыты подо мхом и смотрят прямо в меня.

– Присоединяйся к нам наполни себя силой жизни, отчистись от яда смерти, танцуй среди моих братьев играй с моими слугами, пой для моего народа.

Без лишних раздумий я делаю шаг вперёд и чувствую как ко мне приближается странная сила, окружает меня, двигается в такт моим движениям, касается моего тела, обжигая но при этом даруя мне необычайную лёгкость.

Жизнь, сама жизнь вихриться вокруг меня.

– Танцуй – велит великан.

И я танцую под музыку, что играют черти. Я открываю рот и пытаюсь петь, но вместо слов вырывается вой не то человека, не то зверя, и черти подпевают мне складывая из,

казалось бы, неуправляемого, безудержного воя безмолвную и по настоящему красивую песню. Рогатый народ берёт меня за руки и тянет за собой, приглашая стать частью их игр, и я с радостью принимаю приглашение. Сила жжёт моё тело но не истязая, нет, она подстёгивает меня, подгоняет, не даёт устать.

И я танцую, я пою, я играю, выжигаю в себе любые признаки яда. Радость захлёстывает меня пускает затуманивает разум, я звук сливается в один единственный радостный гомон, мои копытные друзья зовут меня с собой и я бросаюсь к ним.

В этот миг меня хватает могучая лапа великана, и я резко останавливаюсь, чудом не упав оземь, гул сменяется песней и музыкальной игрой, черти убегают в лес продолжая веселье.

Теперь я вижу его глаза: глубокие тяжёлые и зелёные как мох, которым он покрыт.

– Ты очищен.

В миг всё вокруг исчезает и наступает тьма. Я ощущаю тяжесть под ногами и жар в теле, от которого тело льётся потом. Сделав глубокий вздох холодного воздуха, стираю с разума весь оставшийся морок и открываю глаза.

Я стою в ночном лесу под кронами могучих вековых деревьев, а предо мной стоит огромная волчица с жёлтой шерстью.

Два серебристо синих ока смотрят на меня без страха, гне-

ва или жажды охоты, однако исходит знакомая настороженность.

– Должен тебе сказать: ты не умеешь темнить, ну, вообще не умеешь.

Она слегка сгибается, после чего начинает уменьшаться в размерах. Её лапы, тело, всё становится меньше. Когти отпадают, а на их месте вырастают ногти. Шерсть осыпается, показывая волчью кожу, которая слезает, а на её месте растёт гладкая красивая человеческая кожа. Волчья морда начинает изменяться. Нос и рот становятся короче, клыки, как и другие зубы, уменьшаются, затупляются, её облик становится больше человеческим, нежели животным. Когда превращение заканчивается, передо мной встаёт Ольга.

Спустя короткое молчание из моих уст льются слова:

– Я уж решил, сам Хорс явился ко мне, а оказалась волкодлачка.

Олька качает головой и говорит:

– Волколачка, но никак не воколачка.

– Есть разница?

– Не каждый её замечает но да.

Одежда её разорвана у пояса и колен, а так в основном она цела пусть и сильно изношена и полна дыр.

– У тебя сочится кровь, – говорит она мне совершенно спокойным голосом, делая ко мне небольшой шаг.

Опустив голову, я вижу, как тело моё обливается отнюдь не потом, кровью.

– Позволь мне заняться ранами.

Я поднимаю руку ладонью вперёд:

– Не стоит, всё равно ты не в силах мне помочь, к тому же тут нечему помогать.

– Что за глупости, – с неподобающей дерзостью твёрдостью и настойчивостью говорит Ольга. – Ты кровь теряешь, и если не перетянуть раны так и погибнуть не долго.

– Отнюдь, благодаря этому кровотечению я переживу эту ночь.

В глазах Ольги читается непонимание.

– Яд. Пройшей ночью мне нанесли раны когтями, чтонесли на себе тень смерти. От этого яда меня бы не спасли твои травы, хотя он и отсрочили мою гибель. – На моём лице проявляется благословленная улыбка. – Теперь я это чувствую... – Я прикасаюсь к дереву справа от меня пропуская через себя её силу. – Теперь, когда я переполнен потоками самой жизни и из меня выведен яд упырей, кровопотеря мне уж точно не грозит.

– Ненадолго, – говорит Ольга сдавленным голосом. – Подобная сила сколь быстро приходит столь же быстро и покидает тебя... – Она молча кивает и продолжает говорить. – Хорошо, не хочешь, чтобы я перевязала тебя, настаивать больше не стану но советую тебе идти за мной.

– Куда?

– Обратно в лагерь.

После этих слов Ольга поворачивается и начинает идти.

– Постой. – Ольга останавливается и смотрит на меня недобрый вопросительным взглядом. – А как мы тут оказались.

– Лично я... искала тебя, а вот ты как тут очутился мне неизвестно... Идём уже. – Говорит она и продолжает идти.

– Чем я тебе так не угодил, что ты так зла на меня? – Спрашиваю я спустя какое-то время нахождения в пути.

– Зла с чего ты взял? – Спрашивает она с ироничным голосом. – Ты хоть представляешь, как ты меня выставил перед мои племенем? – Слышится после недолгого молчания.

– Я даже не понимаю в чём дело, но по голосу догадываюсь, не очень хорошо.

– «Не очень хорошо» это мягко сказано. Меня послали вперёд во главе небольшого отряда обустроить лагерь, разведать обстановку в вашем городе и узнать на сколько всё плохо. И что же я делаю? Вместо разведки спасаю от расправы упырей полуживого готового встретиться с предками человека и, надо до такого додуматься, притаскиваю его в только что разбитый лагерь волколаков. По мере своих возможностей поддерживаю в нём жизнь, до прихода знахаря. А когда племя в полном составе приходит в лагерь осведомлённое моим посланцем о неожиданном госте и о его плачевном состоянии, самого гостя нигде нет. Говорить, что было дальше?

– Догадываюсь. – Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти холм с лагерем. – Насколько мы далеко?

В ответ лишь молчание.

– Ольга, прекрати дуться. Ты не ребёнок и вроде бы воительница, так умей принимать и отвечать за свои ошибки.

Она останавливается и поворачивается ко мне, вместо зелёных очей на меня смотрят две, покрытые серебряными радужками, чёрные точки.

– Я ошиблась!?! – Её голос отдаёт рыком, а лицо неестественно подёргивает.

– Да ты. – Говорю я спокойно. – Тебе и твоим друзьям удалось спасти меня, несомненно, а что потом? Ты же ведь не промыла мне раны, не послала кого-нибудь в деревню, разведать есть ли у них знахарь? Вместо этого ты отправила всех своих людей доложить о произошедшем, хотя хватило бы и одного, я ведь прав?

Полный самоуверенного превосходства и непоколебимой правоты взгляд, сменяется на виноватую обиду то ли на меня, то ли на себя.

– Да ты перевязала мне раны, наложила травы, и это немного помогло, но не говори, что ты сделала всё. Я не виню тебя и прошу подобного обращения к себе.

Ольга кивает в знак согласия:

– Ты прав, я и вправду совершила много ошибок.

– Все мы совершаем ошибки. – Говорю я и прикасаюсь раны на плече.

– Я не имею права ошибаться, дети вождей не имеют права на ошибки. – Ольга поворачивается и говорит. – Идём, путь не близкий, а времени мало... у нас обоих.

– Значит ты дочь вождя? – Спрашиваю я, нагнав её.

– А ты всё не умолкаешь? – в голосе Ольги звучит раздражение.

– Не пойми неправильно, я достаточно молчалив, но прямо сейчас мне надо отвлечься, – и как можно больше узнать о твоём племени и вожде раз ты так охотно откровенничаешь. – Ты всегда была волколачкой?

– Кто-то из нас родился волколаком, кто-то стал им. Я стала.

– Но твой отец волколак, получается, он сначала стал таким, а потом изменил и тебя?

Она мрачнеет.

– Это долгая история.

– Дорога у нас не близкая, сама сказала.

– Было это лет пять назад, меня собирались женить на мальчишке, который был на два года младше меня. В то время на нашу деревню обрушился мор. Многих он затронул, в том числе моего жениха и всю его семью, через пару дней они отошли к предкам... Я даже ни разу не видела его, – последние слова она произнесла шепотом едва слышимым голосом. – Как раз в это время приехали к нам люди, которые назвали себя братьями по оружию. Они задержались в нашей деревне и всё время ходили вокруг да около. Выспрашивали, вынюхивали, да слухи выслушивали. Не выдержав, однажды я подошла к одному из них и спросила, зачем они к нам наведывались. Тот, кого я спросила, улыбнулся мне, посмотрел

таким загадочным взглядом, каким смотрела на меня только матушка, и сказал, что они ищут ведьм, кои повинны в бедах да несчастьях повисших над нами, сказал, что эти ведьмы поселились где-то здесь. Но никто слышать не слыхивал, ни о каких новопривывших ведьмах, была у нас тогда одна вещунья да и та едва едва-едва могла пропащих кур найти. Охватило меня любопытство и подозрение к гостям-чужакам. Следующие дни ходила я к ним с гостинцами да угощениями. Они всегда были очень приветливы, рассказывали о своих приключениях, много о чём умело умалчивая, как я теперь понимаю. Того, которому я задала вопрос, звали Владимир. Он был очень добр ко мне и кажется, полюбил как дочь, по крайней мере он мне так говорил.

– Ты не веришь, что он сказал тебе правду? – Значит он тебе вовсе не родной, но названный интересно.

– Мне кажется, он меня просто жалел, но все, же он заботился обо мне, и я очень к нему привязалась впрочем, как и он ко мне.

– Однажды к нам в дом пришла какая-то старуха, – продолжает Ольга, – я в это время лежала на печи. Никто не обращал на меня внимания, потому я слышала, как моя мачеха говорит с ней. После долгих споров мачеха сказала, что она больше не занимается колдовством, что ей не нужна та сила, которую ей предлагала ведьма и, чтобы она возвращалась на свою ветреную гору и передала сёстрам ведьмам свой ответ. Тогда старуха сказала, что моя мачеха поплатит-

ся за свой ответ и ушла. Сообразив, что здесь произошло, я дождалась, когда мачеха выйдет, побежала к Владимиру и его друзьям, дабы рассказать что услышала.

Он поблагодарил меня за сведения и сказал мне ни о чём не беспокоиться. Когда они начали собираться в дорогу, я попросила их взять меня с собой. Они, разумеется, отказали, сказав, что это очень опасно, и они не хотят, чтобы я видела то, что видеть не положено.

Но я была глупой, и меня тянуло к неизведанному. Впрочем, мало что изменилось. Когда наступила ночь, я незаметно пробралась в их повозку и скрылась там. С первыми лучами солнца мы отправились в путь. Дорога была долгой и жаркой, так что я смогла как следует выспаться. Обнаружили меня только на следующее утро, когда мы приехали на ветреную гору. Сказать, что они были удивлены, значит, ничего не сказать. Владимир бранился как чёрт на меня, мол, зачем я вообще сделала это, бранился на своих соратников, что они не были внимательными. Но как быстро он нагрелся так, же быстро и остыл, в конце концов, мы уже были на месте, а на возвращение меня назад заняло бы сутки, так что об этом даже речи не было. Мы начали устраивать привал под могучими кронами деревьев в наиболее близком и незаметном месте от горы. Они поставили мне палатку, и чтобы я опять что-нибудь не выкинула, давали мне разные задания. Так что без работы я не осталась. Ну, а когда наступила ночь, они наказали мне сидеть в палатке и ни в коем случае не вы-

ходить. Затем Сергей, чьё имя я узнала, когда мы с ним варили суп, попросил меня посмотреть в его карие глаза, и я провалилась в дрёму.

Очнулась же я глубокой ночью в своей палатке. Когда вышла из неё, никого в лагере не было. Увидев на вершине горы пожар, я испугалась за своих друзей и побежала на гору. Там я увидела то же, что ты сегодня, и даже больше. Это были не те волки, что ты видел, глядя на меня, это были огромные на половину люди, на половину волки в броне. Они сражались с ведьмами, точнее с целым шабашем ведьм, которых было втрое больше чем их. Это была страшная битва. И хоть ведьм было много и их объединённые силы были велики, но они всё равно терпели поражение от их когтей и клыков. Я едва сдержала ужин от увиденного.

К концу битвы осталось всего несколько ведьм, окруженные и полные ненависти. Одна из них каким-то образом увидела меня, скрытую во тьме ночной, и я признала в ней старуху, которая была в родительском доме, после чего она сказала: «Будьте вы прокляты, волколаки!!! Будьте вы все прокляты! И будь проклята ты, девчонка!», – тут волколаки впервые обратили на меня внимание за всё время битвы: «Может моя сила и не погубит вас, но я нанесу вам удар, что ранит ваши сердца!» Она взглянула на меня, и мне стало очень плохо, я пошатнулась и упала, всё ещё смотря на всех них. Сообразив, что произошло, волколаки оскалились и совершили последнее нападение. И меня вырвало. Однако то,

что я увидела после, поразило меня ещё больше. Все они стали оборачиваться а когда закончили, я узнала в них тех, кто были со мною весь день, с которыми я общалась в деревне. Владимир подбежал ко мне и понёс в лагерь.

«Ну, зачем ты только пошла за нами?», – спросил он меня. В его голосе не было злости только страх.

«Я боялась, что с вами что-то случилось, и побежала посмотреть», – ответила я. Мой голос был очень слабым, тогда я еле могла дышать, но собрав силы спросила: «Что она со мной сделала?».

Ольга, усмехнувшись, смотрит на меня съедаемым собственной глупостью взглядом.

– Понимаешь? Меня не волновало, кто они такие, не волновало, что они могут сделать со мной то же, что и с этими ведьмами. Я их просто не боялась, словно, чувствуя, что они мне не опасны.

– И что же он ответил? – спрашиваю я, понимая, что сейчас она вот-вот раскроет что-то тайное. Ольга, Ольга, как же легко тебя разговорить, если знать, куда надавить.

– «Не бойся», – сказал он: «Я не допущу, чтобы ты погибла».

Он принёс меня в мою палатку и сказал, что сейчас вернётся. Через минуту он вернулся с Михаилом. Травником как я считала, и как оказалось знахарем. Тот посмотрел не меня, а затем поводил по мне рукой, быстро бормоча при этом слова силы. Закончив, он посмотрел на Владимира,

и они с ним вышли из палатки.

«„Что она с ней сделала?“, – спросил Владимир». – Рассказывает Ольга пытаюсь подражать мужскому голосу.

«Навела порчу очень сильную, я не могу её снять», – ответил Михаил.

«Сколько у нас времени?»

«Она не доживёт до рассвета», – после минутного молчания ответил Михаил: «Ты знаешь, она умрёт если только...».

«Да. Я прекрасно знаю, что нужно сделать. Вопрос в том согласится ли она на такую жизнь».

«Мы же не можем просто так дать ей умереть!»

«Если ты помнишь, мы не можем дать ей эту жизнь без её согласия».

В её глазах я вижу, что она заново переживает ту ночь.

– В этот миг я не выдержала и позвала их к себе. Они зашли обратно. Я сказала им:

«Владимир, Михаил, пожалуйста, помогите мне, я не хочу умирать. Я знаю, вы можете спасти меня, так прошу, спасите», – я держалась довольно хорошо, хотя была готова заплакать.

«Ты понимаешь, о чём меня просишь?», – спросил Владимир: «Тебя ждёт нелёгкая жизнь. Ты будешь вынуждена покинуть семью, друзей, оставить позади всё своё прошлое. Ты сможешь так жить?», – он посмотрел на меня очень серьёзным взглядом.

«Да», – сказала я. И в этом слове я была полностью уве-

рена. Он посмотрел на Михаила, тот поклонился и вышел из палатки. Затем он снова посмотрел на меня, и мы продолжили наш разговор.

«Ладно, тогда ты должна знать кто мы такие», – он набрал воздух и начал свой рассказ: «Мы те, кто охотится на нечисть, наша жизни непомерно длинна и прервать её может разве что смерть. Мы те, кто в полнолуние внимают зову луны и принимают вид огромного волка и обретают силу дюжины человек. Мы «волколаки», – он пристально посмотрел на меня и спросил: «Ты всё ещё хочешь стать такой же, как мы?». Не знаю, может у меня была тень сомнения в тот миг, но одно я знала точно, я хотела жить и поэтому снова ответила:

«Да».

«Да будет так. Поскольку ты сделала свой выбор. Позволишь ли ты мне быть тем, кто тебя усыновит? Это значит, что я буду тем, кто тебя обратит», – он снова посмотрел на меня серьёзным взглядом.

– И ты согласилась?

– Да. Когда я ему ответила, он улыбнулся, взяв меня на руки, вышел из палатки приготавливать всё необходимое. После того как всё было готово Владимир взял меня за руки и вынес наружу. Я видела, как горел большой костёр, около него рядами сидели те, которые недавно были в волчьем облики. Владимир вместе со мной на руках подошёл к костру ближе, так чтобы все смотрели на нас.

Мне тогда было неловко от того, что они все смотрят на нас.

Владимир сел на землю и, посадив меня рядом с ним, начал говорить:

«Братья сегодня мы приветствуем новую душу в нашем племени. Сегодня она станет одной из нас и что куда более важно она станет моей дочерью».

Затем Михаил принёс деревянную чашу с медовухой и дал её Владимиру. Тот принял её, достал свой стальной нож и провёл им по руке. Кровь из его руки начала капать прямо в чашу, но это продлилось всего мгновение, так как рана тут же затянулась, не оставив даже шрама. Затем он подал его мне и с того мига для меня открылся новый мир.

Глава восьмая

Ольга заканчивает свой рассказ как раз, когда мы подходим к лагерю.

Ночной лагерь полон костров и людей что собрались вокруг них и общаются, спорят или же сидят в тишине. В самом центре лагеря горит костёр необычайно больших размеров, освещая холм как днём. Невольно задумываешься сколько деревьев понадобилось, чтобы разжечь подобное пожарище, но чутьё говорит: «Дело тут вовсе не в дереве». Да и веток с листьями, что просто должны были остаться от брёвен, нигде нет.

В неестественной близости от пекла видны три стоящих силуэта.

Повернувшись, три тени устремились к нам неспешной походкой. В тот же миг я начинаю чувствовать давление на свой разум, будто поток сильного обжигающего ветра ударил меня и шатает из стороны в сторону. Я закрываю глаза, сосредотачиваюсь на силе что ещё не успела вытечь из меня и выталкиваю её образуя вокруг себя защиту.

Открыв глаза, моему взору предстают трое мужчин, что проделывают несколько шагов, после чего останавливаются.

– Зачем ты так, я всего лишь хотел узнать насколько плачевно твоё состояние. – Говорит человек справа чуть выше того что в середине доброжелательным и наигранно обидчи-

ВЫМ ГОЛОСОМ.

– Успел узнать? – Спрашиваю я.

Русоволосый улыбается и вот уже собирается ответить, но осекается на светловолосого и замолкает, не проронив ни слова.

– Надо же, Ольга, тебе удалось найти и вернуть свою же пропажу. – Голова Ольги склоняется от корящего взгляда, после чего он устремляет взор на меня. – Вижу, ты нас не боишься, – говорит не то хрипящим, не то рычащим голосом средний.

Я аж носом чую его дух пропитанный дикой и необузданной силой света, словно передо мной один из волков Деваны.

– Я пока не видел причины, почему я должен тебя бояться, – говорю ему в ответ твёрдо выдержав его угнетающий взгляд.

Он кивает русоволосому. Тот подходит ко мне ближе, обходит и внимательно рассматривает моё тело.

– Похоже, у тебя вся спина изодрана. Такие же раны на груди плечах, руках, а вот кисти рук не задеты. Ко всему прочему у тебя ожоги по всему телу, это не говоря об ужасающем ожоге на правой ноге. Ты где её так спалил?

– Как? Ведь на рубахе и штанах даже следов от крови нет. Как ты увидел? – спрашиваю я.

Мужик кисло улыбается.

В этой улыбке нет никакого ликования, только печальное подтверждение своей правоты.

Он протягивает руку и говорит:

– Меня зовут Михаил.

– Олег. – Жму руку в ответ.

У него крепкое рукопожатие.

Затем он смотрит на рубаху и говорит с угрюмым видом:

– Однако твои раны на удивление чисты, да и уже давно бы свернулись, если бы ты только не двигался постоянно.

– Не сейчас. Мне нужно срочно поговорить с вашим вожаком. – Я смотрю на светловолосого и молвлю:

– Мне нужно поговорить с тобой, Владимир.

– Да ты еле на ногах держишься, раны кровоточат, а ты решил ещё поговорить с нашим вожаком. В таком состоянии тебе бы лежать ещё пару дней, – возражающим голосом говорит Михаил.

– Мне некогда! – вспыхиваю я от гнева, все поворачиваются ко мне.

Ольга сжимает мне руку, я поворачиваюсь к ней. Она смотрит на меня понимающим, но не одобрительным взглядом.

Я делаю глубокий вдох и медленный выдох.

– Прошу, мне нужно поговорить с тобой, – спокойно говорю я.

– Ну хорошо, давай поговорим.

Тут же на меня обрушивается поток такой силы, что невольно подкашиваются ноги и с трудом осознаю что упал и стою на коленях, а может и не на коленях, может я лежу,

распластавшись на земле. Да какая разница, какая разница, где я или кто я? Важен лишь он. Этот воитель, что стоит передо мной во всём своём величии. Я должен подползти к нему словно червь, должен дотянуться до его...

«ТЫ ЧТО ТВОРИШЬ?!!!», – слышу я рёв в своих мыслях так силой и мощи, что разум мой начинает трещать по швам. А может наоборот... приходит в себя от наваждения: «КАК СМЕЛ ТЫ ПАСТЬ НА КОЛЕНИ, КАК СМЕЛ ТЫ ТОЛЬКО ПОДУМАТЬ О ТОМ ЧТОБЫ ПОЛЗАТЬ У НОГ ЭТОГО НИЧТОЖЕСТВА?!!!» – Рёв становится всё сильнее с каждым словом выбивая из меня даже намёк на разумность оставляя лишь ярость. Ярость чистую горячую и сладкую с железным привкусом и цветом рубиново-красным: «ВСТАВАЙ, НЕ МАШКАЙ, УБЕЙ ЕГО, ПОРВИ, ОТПРАВЬ В САМЫЕ ГЛУБИНЫ НАВИ В САМО СИНЕЕ ПЛАМЯ, ГДЕ ЕМУ САМОЕ МЕСТО ЛИШЬ ТОЛЬКО ЗА ТО, ЧТО ОН ПОСМЕЛ ПОДУМАТЬ О ТОМ, ЧТОБЫ ПОРАБОТИТЬ НАС, СДЕЛАТЬ ЕГО ПРИХВОСТНЯМИ!!! МЫ НЕ РАБЫ, НЕ РАБЫ, НЕ РАБ-Ы-Ы-Ы!!!!!!!!!!!!!!!»

Мгновение и взор ясен, цель видна, а приток сил и ненависти настолько велик и горяч, что жарко становится даже самым далёким от этого зрелища. Ближе стоящие невольно пятятся кроме двух человек.

Ещё миг я и поднимаюсь с колен и смотрю в глаза своему врагу.

Спокоен. Нет, хочет казаться спокойным. Страх... да...

глубоко внутри... вижу... чую.

С губы стекает слюна и я только сейчас замечаю что скалюсь.

Скалюсь? Неважно, всё неважно главное он, главное заставить его чувствовать боль, страх. Он должен заплатить за свой поступок... сейчас!

Из горла вырывается рык. Рык громкий, что уши закладывает, глубокий, что пробирает, даже не до костей. До самых потаённых схрон души. Глупо говорить, что этот рёв довольно слабо походит на звериный.

Страх, да я вижу его. Он напуган и он знает что его ждёт, знает, что не стоило ему надевать на меня цепи. Я не раб. Не раб!

– Разумеется ты не раб. – Говорит третий из них, самый высоких со светло карими глазами и чёрными как сама темнота волосы. Неужели я сказал мысли вслух? – Не смей никому утверждать обратное. – Твёрдый как сталь голос и холодная уверенность заставляют меня уделить ему больше внимания.

– Он так утверждает, – указываю на своего врага, посылая новую волну гнева – он...

– Он лишь проверял твою силу и твою способность отстаивать своё право говорить. Какой прок от того кто не в силах выстоять самое обычное подчинение воли, излюбленного оружия твоих истинных врагов.

Истинных. Да, истинных, точно. Враги не здесь нет, они

там во мраке уносят всё дальше и дальше мою сестру.

Я поворачиваюсь к среднему и смотрю на него.

Нет, может ты мне и не враг, но и не друг. Союзник, не больше.

Владимир кивает и говорит:

– Ты первый человек, который смог выстоять. – Похоже вы всё же слышите мои мысли. Слышите ведь? – Ладно, так и быть будешь с нами. Через пару часов зайди в мою палатку, поговорим.

– Почему не сейчас? – спрашиваю уже без потусторонней хрипоты.

– Вскоре ты и десятка шагов не проделаешь, – говорит Михаил, начисто лишившись виноватой улыбки.

Я поворачиваюсь прямо к нему и смотрю давяще даже слегка угрожающе.

Держит, но слабо, даже слишком слабо. Хотя по силе он меня и превосходит всё же духом слабее.

– У меня нет времени лежать в постели пока моя сестра, где-то там, – я показываю пальцем в лес.

– Если ты сейчас начнёшь много двигаться, лучше не будет. Полумёртвый ты своей сестре не помощник.

А он молодец. Не даёт себе поблажек, по крайней мере, не больше дозволенного. Дрожь в голосе едва-едва заметна только и всего.

– Тогда просто наложи свои травы и завяжи по туже повязки. Как я уже сказал: «у меня нет времени».

– В твоём состоянии? Едва ли это поможет. – Слышу уже не столь грозный, но всё ещё сильный голос Ольги.

Я прошибаю её грозным взглядом. Ярость бьётся о стену уверенности собственного превосходства надомной.

Зря. Ой зря. Только тот, кто ещё ни разу не терпел поражений, может так смотреть или же тот, у кого есть что-то или кто-то за спиной. Либо ты глупа, либо самоуверенна. В любом случае, качество очень опасное для вождя сколь бы сильным он ни был.

– В любом случае тебе нужно в палатку. – Настаивает Михаил.

Я подтверждающее киваю.

– Скажите мне, когда он будет готов.

Ничего больше не говоря он поворачивается спиной и уходит проч. Остальные зрители тоже расходятся по своим делам.

«Будь осторожен, Олег. Учись прятать свои мысли», – слышу я голос третьего, уже направившись за Михаилом.

Прятать мысли говоришь. Как только этому ещё научиться?

Однако долго думать над этим вопросом мне не пришлось.

Громадная усталость вперемешку с сильной тошнотой и таким головокружением, что непонятно где верх – где низ, обрушивается и останавливает на подступах к палатке.

Михаил с Ольгой, подошедшие ко входу в палатку, взвол-

новано смотрят на меня, хотя взволновано, похоже, смотрит только Михаил. Ольга, скрестив руки, смотрит на меня надменным укоряющим взглядом и, если затуманенное зрение меня не обманывает, злорадно улыбается, и уже было собрались подойти, как я вскидываю руку:

– И десяти шагов не сделаю, говоришь.

На губах проступает бросающая вызов улыбка.

Первый шаг дается не то чтобы плохо, но не без последствий. Из носа стекают две струйки тёплой крови, спускаются по сомкнутым устам ниже по подбородку и неспешно капают. Почти сразу начинают кровоточить уши, а затем всё вокруг приобретает багровый оттенок. И это не забывая об ужасном головокружении, из-за которого я чудо, что не распластался на земле, а всего лишь пошатываюсь.

Один.

Как только проделываю второй шаг, мне на спину ложится такая тяжесть, будто матёрый медведь принял меня за кровать. Дыхание становится глубоким и постепенно учащается. Головокружение уже порядком мне досадило, так теперь ещё и тошнота подошла. Моё счастье, желудок пуст.

Я поднимаю взор на Михаила с Ольгой. Их взволнованные лица единственное, что я замечаю, прежде чем взор не помутился окончательно. Третьего шага мне так и не удалось осуществить.

Вроде бы Михаил что-то говорит, если это голос Михаила; почти ничего не слышу, уже не вижу, перестаю ощущать

тело. Наверное, упал, не знаю точно. Хочу спать смертельно хочу спать.

Ночной лес, мирно спящий освещаемый серебряными лучами луны.

Казалось бы чего тут необычного на первый взгляд. Если бы. Лес никогда не спит будь то ночь день вечер или утро. Подобная давящая, сводящая сума тишина говорит лишь об одном: в лесу завелось чудовище. Такое грозное, что заставило даже стража леса запрятаться в самую потаённую нору. И это что-то стремительно приближается. Оно уже близко совсем близко.

По макушкам деревьев толи летят, толи парят мертвецы, во главе которых тот самый упырь, которого мне удалось пронзить кинжалом сразу за ним стрелой следуют несколько десятков его соплеменников, однако меня привлекает не это зрелище, по-своему красивое. К его спине привязана обмотанная в шкуры Надежда.

Не медля, я устремляюсь за ними. Они быстры, очень быстры, но мне все, же удаётся их нагнать и встретиться взглядом с этой древней нежитью.

Он стар как телесно, так и духовно. И всё же в нём невидны ни малейшего признака дряхлости, напротив, необычайная скорость и плавность в движениях.

В следующий миг он отмахивается от меня и из его руки выходит не то тень, не то дым и бьёт словно хлыст, но не причиняя боль. Нет. Тень в мгновение вытягивает из меня силы,

лишая скорлупы духовной оболочки, вытаскивая наружу всё моё естество и оставляя меня на поживу дасуням совершенно беспомощного, не в силах даже двинуться с места.

В считанные мгновения мимо проносятся остальная нечисть, не обращая на меня внимания, но каждый успевает урвать у меня боль ненависть и ярость, не давая в полной мере гневаться на них. Не давая мне гневаться вообще.

Ещё миг и лесные духи не заставляют себя ждать.

Рогатые козлоногие они летят ко мне, вытягивают свои когтистые руки, изъявляя желание, вцепится в тот комок силы, что я из себя сейчас представляю.

Что они со мной сделают? Выгрызут те крохи, что от меня остались, отнесут в навь и сделают из меня блуждающего духа подобно им жаждущего извечного веселья неважно, что творя при этом зло или добро. А что если это слуги Марены. Нет, вряд ли слишком непокорны, слишком забористы. Может слуги лешего, может он вновь посла ко мне на помощь этих несносных созданий. Нет, я не чувствую его и даже если это и те же самые духи, то здесь нет их надзирателя им нечего бояться наказания.

Совсем близко, почти вплотную уже ощущаю остроту когтей.

Останавливаются, замирают уже вцепившись в меня пусть и неглубоко. Их взгляд направлен на луну в них читается страх, нет ни испуг, ни ужас, а именно страх перед хищником куда более опасным, чем они сами.

До меня доносится злобный волчий рык пропитанной горячей силой, когти, что так крепко вцепились в меня, теперь отдергиваются, а создания издают крик чем-то напоминающий и человека, и свинью. Перепуганные чертята бросаются прочь, улепётывая с такой прытью, что даже упыри могли бы позавидовать такой скорости.

Повернувшись к своему спасителю, мне предстаёт волк одетый в серебро с рыжим пламенем в глазах. Серый зверь или точнее будет сказать дух стоит почти вплотную и дыханием своим возвращает мою оболочку, а вместе с ней силу и нить что истончилась непростительно сильно.

– Твой бой не закончен, сын земли. – голос его сродни ветру что вырывается из пламени. Такой же горячий и бодрящий. – Бейся или погибни, отступать тебе некуда. А сейчас вставай они не справятся, если ты не вернешься.

В следующий миг я ощущаю, как чьи-то руки выдавливают из груди воздух и ломают рёбра. А затем тепло мягких медовых женских уст, через которые в мои лёгкие вгоняется свежий воздух.

Столь рано забытое чувство, столь рано забытое желание. Ещё немного. Пусть это продлится хоть на чуточку подольше.

Сам не до конца понимая, что творю, я обхватываю рукой неведомо кого прижимаю к себе и целую, целую, ещё и ещё. Кто бы она ни была, хотя, конечно же, я вполне догадываюсь, чьё сердце сейчас бьётся над моим, она не долго сопротив-

ляется. Если это вообще можно назвать сопротивлением.

Жар, охвативший девушку, переходит ко мне, и я поглощаю его, впитываю без остатка и, похоже, раскаляюсь до предела. Слишком долго один. Наконец мне удаётся открыть глаза и увидеть над собой тёмно зелёные очи Ольги. Очи, сверкающие удивлением, наигранной злостью и даже попыткой вызвать ярость, безуспешную впрочем. И за всем этим кроется желание.

Бедняга Михаил, похоже, находится в некоем замешательстве, не совсем понимая, что делать. Тишина начинает длиться непростительно долго, но всё решает Ольга, мгновенно отпрянув от меня и хлестанув рукой по лицу, словно какой-то скотовод бичом по бедной скотине.

– Ещё раз попытаешься выкинуть нечто подобное, и я тебе шею сверну. – После тих слов Ольга вцепляется мне в ладонь, которая соскользнула ей на бедро, совершенно случайно надо сказать, с такой силой, что каждая косточка не то что захрустела, затрещала. – Даже не думай.

– Я запомню.

Обменявшись взглядами, она отталкивает от себя руку и отходит.

– Раз вы закончили ... – Ольга сверкает в Михаила глазами, но тот не поведя бровью, собрался всё-таки, продолжает, – я продолжу нач...

Не договорив до конца он вместе с Ольгой направляют свой взор на выход из палатки, миг и я тоже ощущаю стран-

ное мановение. Тьма холод вперемешку с яростью и смерть.

Нежить здесь.

Прежде чем мне удаётся что-либо сделать, Михаил прижимает к земле:

– Лежи, пока я не закончу, – говорит он строго и без жара – Ольга...

– Сейчас. – Только и устремившись к выходу, откуда уже доносятся звуки боя.

Не успевает Ольга выйти из палатки, а Михаил посылает по своей руке живительные потоки силы, в моё тело, заставляя бесчисленные раны закрыться и покрыться багровыми рубцами.

– Повезло, что яда нет, иначе было бы тяжелее. – Говорит Михаил, вытирая кровь из носа.

Я было собрался осведомиться что с ним но ткань палатки разрывают и внутрь врываются трое упырей. Один мертвенно бледный и двое по краше, если такое можно сказать об упырях.

– Зде-е-есь! – Выкрикивают трое и накидываются на нас.

Двое на Михаила и один на меня. Один из тех, кто: «не такие бледные». Первым делом он хватает меня за горло, а вторым бьёт вбок выше печени, ломая рёбра и лишая возможности дышать на несколько мгновений. И всё же он замешкал и не заметил, когда наносил мне удар и ломал кости, я нацелился ему в колено и что есть сил ударил ногой. Однако из-за боли удар оказывается куда слабее и вместо разрыва связок

или хотя бы вывиха он просто падает на меня. Не мешкая или точнее сказать, опережая то мгновение что отделяет его грудь от моей, не думая даже, вовсе не понимая, что делаю, вгрызаюсь ему в глотку.

Слышу хруст гортани – следующее за ним хлюпанье, то ли крик злобы, то ли вопль о помощи. Чувствую холодную вязкую жидкость наполненную силой и ядом. И снова действия опережают мысли. Руки словно сами обхватывают мертвеца мёртвой хваткой, а пустоту во рту уже наполняет новая волна крови.

КРОВЬ, СИЛА, КРОВЬ, СИЛА, ЖАЖДА.

Жалкий комок силы, ворочающийся в моих объятьях предпринимая тщетные попытки вырваться, становится всё меньше. Тот огонек, что по каким-то неведомым причинном хранился у этого создания неизбежно гаснет. Холод и тьма, та самая тьма, что дана каждому и в каждом проявляется по своему, становятся моими. Становятся моим холодом, моей тьмой. Ещё глоток и то, что когда-то занимало это тело, покидает пустую скорлупу.

Размыкая хватку, я отбрасываю опустошённое тело не столько от крови сколько от силы, хранящейся в ней.

С необычной быстротой я поднимаюсь на ноги и поворачиваю к Михаилу, но там где раньше стоял небольшой столик, теперь находится огромный получеловек полуволок, а под ним два тела, стена же за ним разорвана в клочья. И не понятно кому из нас следует удивиться больше ему

или мне.

Однако наше забытё прерывает Ольга, ворвавшаяся в палатку через «главный вход», с ног до головы покрытая кровью, не своей. Мельком взглянув на нас, она говорит:

– На выход; они готовятся напасть повторно. – После чего выскакивает наружу.

Мы следуем её примеру и выбегаем из палатки в разрывы в стенах. Как только я оказываюсь наружи, мне открывается интересное зрелище. Волколаки в таком боевом построении, о каком ни разу не удавалось услышать, ни уж тем более услышать.

Где два, где три человека с небольшим разрывом в три-четыре больших шага от другой такой же группы. Вместе они образуют довольно обширный полукруг или даже полноценный круг, не могу разглядеть до конца.

Хотя на людей они не были похожи ни в коей мере. Двое здоровых волков с шерстью таких цветов, каких у обычных волков никогда не будет. И, где есть, по одному здоровому прямоходящему полуволку в середине, похожи на Михаила. Огромные кто-то в полтора, а кто-то в два человеческих роста когтями словно кинжалы, которые, не сомневаюсь, не уступят лучшей стали ни в прочности, ни в остроте.

Но даже при всём их грозном виде нельзя не заметить их потрёпанный вид, у кого-то в достаточной близости от меня видны кровоточащие раны, у одного даже вытащенное наружу сломанное ребро. И всё же, казалось, при столь ужасаю-

щих на вид ранах они стоят. Стоят твёрдо дружно, и не думая упасть от боли или усталости. Их несокрушимая воля прямо витает в воздухе, пробуетя на язык, входит в грудь – придаёт сил. И вот травмы уже не столь плачевны, раны кровоточат всё меньше и меньше, даже ребро медленно, но верно встаёт на место.

Конечно, здесь множество мёртвых тел разорванных на части с неистовой страстью, дабы восставшие единожды не смогли повторить этого вновь.

– Сюда! – кричит Ольга в направлении леса.

Не медля, я следую за ней, обернувшись, последний раз, замечаю почти скрывающуюся кость в шерсти волка.

– Сюда, я здесь. – Зовёт Ольга, когда я спустился в тень холма.

Она оказалась рядом с тройкой оборотней, причём все в полуволчьих облициях.

Не успеваю к ним подбежать как средний из них, причём самый мелкий даже среди великанов, направляет на меня меч с такой скоростью, что мне едва удаётся остановиться, прежде чем острое дошло до горла.

– Тебе предстоит объясниться, прежде чем они нападут вновь иначе, МОЛЧАТЬ!!! – выкрикивает он в сторону напарников. – Иначе клинок окажется в твоём горле по самую рукоять.

Да чтоб тебя, что нашло на этого полоумного?

Из горла Владимира раздаётся рык.

– Лучше начинай говорить пока...

– Да что тут говорить, в чём вообще ты меня обвиняешь? – Голос слишком опешивший. Плохо. Больше твёрдости, меньше чувств. – Почему они напали на меня? Так может, потому что они напали на лагерь в целом, а я, по их мнению, был лёгкой добычей. – Твёрже, надо твёрже.

Самым краем кончика меча Владимир вгрызается в горло, и по кадыку стекает струйка крови – я не дёргаю даже бровью.

– Не убедительно.

– Хочешь, чтобы было убедительно или правдиво?! – не отводить взгляд. – Я не знаю, почему они набросились на целый лагерь оборотней? Если это месть их предводителя, значит он глупец!

Стоп предводитель, я же видел его в лесу, видел, как он покидает эту местность.

– Он не мог уйти, мы бы заметили, в крайнем случае, узнали. – Говорит один из оборотней сзади. Кажется тот третий.

– Не лезь!!!

– Как бы вы об этом узнали? – Спрашиваю, встретившись с взглядом третьего.

Опасно. Если Владимир окончательно потеряет равновесие, я тут же отправлюсь к предкам. Но времени слишком мало третий моя единственная надежда встретить утро.

– Мы можем чувствовать дух, среди нас есть те, кто могут почувствовать их на многие и многие вёрсты. Начни он от-

даются, мы бы узнали.

– Ты забываешься, незванный гость. Здесь я задаю вопросы.

– Ты хочешь узнать, почему или нет?

Пересёкшись с его взглядом лишь на мгновение, меня обдаёт яростью. Уже на грани.

– Как скоро вы бы узнали?

– Полчаса самое большое.

– Как давно я проснулся? – Вопрос посылаю до селе молчавшему из трёх.

– Пять может семь минут. – Отвечает Михаил.

– Время вы...

– Он уходит, а их насылает отвлечь вас! Всё это нападение ради отвлечения! – последние слова я выкрикиваю.

Как только я замолкаю, Владимир убирает меч прочь от шеи и без замаха отрубает голову слишком близко подобравшемуся к нам.

– Убедил. – Прорывается он и убивает ещё двоих.

Второе нападение началось.

Десять, двадцать, сорок, полсотни, сотня. Всё прибывают и прибывают. И это только с нашей стороны.

– Стан рядом со мной. – Говорит третий – я не спорю.

Мне бы сейчас сюда хотя бы нож.

Ответом на мою просьбу стала секира прямо перед моим лицом, предложенная третьим. И я берусь за ней и вгрызаюсь ладонями в кожу обтянутую вокруг прочного древка.

На удивление в оружии не чувствуется никакой громоздкости напротив оно неестественно лёгкое, что заставляет невольно усомниться в надёжности оружия.

Однако сомневаться долго не приходится. Первый мёртвый с неестественной скоростью оказывается на расстоянии удара. В следующий миг я наношу удар вбок и назад, кости в руках трещат, суставы рвутся, а мышцы натягиваются до невыносимой боли, однако задуманное я всё же совершаю. И голова врага отделяется от тела раньше, чем секира заканчивает свой путь до конца. В итоге тело делает ещё шаг прежде чем упасть к моим ногам.

Повезло. Недооценил и поплатился. Другие не недооценят.

Так и получается. Удар по второму противнику отдаётся в теле ещё большей болью и всё же скорость не утрачивается ни на миг. Но он видел случившееся с товарищем и с лёгкостью ускользает от удара, сокращая расстояние между нами. От моего, но не третьего. Одним движением он выбивает сердце из груди, вторым освобождается от обмякшего тела.

Взявшись за древко поближе к лезвию, я бью бегущего ко мне со всей прыти противника в колено и сношу ему пол головы. Вид хлещущей крови и отвратительного месива вызывают во мне незаметного доселе себе наслаждение.

Крики, рыки, неестественные вопли смешиваются в одну единственную песню битвы. Время замедляется, становится вязким, податливым. Просыпается жажда. Жажда неопишу-

мая, неутолимая, жажда для которой есть лишь один способ её утолить.

Четвёртому я уже бросаюсь сам, хватаю за шею и вонзаюсь тупыми зубами чуть ниже шеи в мёртвую плоть. Я не пью кровь, о нет. Я разрываю его, наслаждаясь страданиями этого несчастного, поглощая... поглощая и пожирая ту силу что таилась и хранилась в нём не оставляя ему ни малейшей возможности на возрождение.

Нет, не будет тебе дано больше возможности вернуться в своё тело, будь благодарен что душу не поглотил.

Хорошо, как же хорошо, но всё равно мало, мало, МАЛО-О-О-О-О!!!

И вновь безумие захлёстывает меня и снова вырывается рёв. В всё же и ярость не та, да и крик мой пропитан не злостью, а голодом. Голод, голод, голод!

Они, наконец, обращают на меня внимание, все они, все до каждого неживого ничтожество, что решили подняться, против меня, отца и матери.

Давайте подбегайте ко мне посмотрим, на что вы способны. Что вы способны сделать, удары ваши что ветер. От ветра и то больше боли, да и о какой боли идёт речь. Боль, да что мне боль, какое дело до боли тому кто не чувствует ничего кроме голода.

Пора начинать жатву.

Круговое движение боль, страдание, отчаяние, неизбежность окутывают воздух.

Вы бежите на меня как мухи на навоз, однако здесь вы встретите лишь свою смерть.

Взмах, ещё, слева, сверху, справа, ещё сверху, снизу. Десять двенадцать девятнадцать, двадцать три. Бегите, бегите ко мне влекомые кровью и отчаянием ваших же товарищей. Давайте наступайте, не в силах противиться воли вашего повелителя, словно свиньи на убой. Вы мои, только мои. Не будет для вас больше места в этом мире, лишь боль и вечное наказание за предательство. Шестьдесят семь, восемьдесят три. Вы не исполнили свой долг на ваша... моя сила послужит правому делу. Сто девяносто, сто девяносто один.

Бежите, убегайте, не-е-ет не выйдет. Сто девяносто два, три, четыре. Нет, стойте, вас ещё много, вы ещё не все были настигнуты. Стойте, СТОЙТЕ!!!! Р-Р-Р-А-А-А-А-А!!!!

Рёв высвобождает всю силу, что только мне удалось скопить, высвобождает и направляет на убегающих. Настигнутые волной ненависти и злобы они погибают без боли и страданий, просто падают в немой тишине, и не из жалости, а просто, чтобы забрать как можно больше. И всё же есть те кому удаётся бежать.

Вместе с силой отступает и безумие, возвращается и боль. Боль, от которой сводит каждую мышцу, в голову словно запихнули горячий прут, а раны вновь открываются и кровоточат.

Обездвиженный, я падаю на траву а взгляд упирается в жертву сто девяносто четыре. Не в силах пошевелиться,

дышать или отвезти взгляд меня охватывает страх.

Я только что убил больше двух сотен упырей. Один без чьей либо помощи, что я за чудовище?

На до мной оказывается оборотень, третий без сомнения. Похоже, здесь всё и закончится. Волк склоняется на до мной и хватает за плечо:

– Михаил сюда живо! Держись сейчас главное для тебя пережить отдачу.

Михаил прибегает сразу после этих слов склоняется подобно третьему:

– Нагрей его. – Велит Михаил.

Жар из лапы третьего устремляется мне в плечо и распространяется по телу.

– Быстрее он задыхается! – рычит третий.

Михаил не обращает на него внимания, пропускает через меня бесчисленное множество невидимых нитей, которые подобно червям вгрызаются в плоть, кости и даже голову. Позволяя мне дышать и постепенно расслабить тело, а также избавить голову от давящей всепоглощающей боли. После чего я не медля впадаю в забытье.

Глава девятая

Боги что со мной?

– Не рассчитывай на ответ. – Говорит утробным голосом странное существо.

Я стою на коленях склонив голову к ногам. Неведомое создание подходит ближе пока не оказывается у самой головы.

– Какое жалкое зрелище ты сейчас представляешь.

– Тогда убей меня.

– Так просто? Но за что?

– Что? – Спрашиваю, разгибая спину и смотрю на своего собеседника.

Чёрный словно тьма. Нет не словно оно и есть. Чистейшая, полноценная, безжалостная, всепоглощающая тьма. Дасунь.

Он или оно наклоняет ко мне голову, или это должно быть головой. В любом случае у него есть две руки, две ноги, значит это голова, хоть и без глаз, носа, ушей, прочего и прочего. Лишь только неровное здоровое яйцо на шее.

– За что мне тебя убить? Уж не за то, что ты сравнил голову с яйцом?

– Хотя бы, потому что ты являешься тем, кем являешься.

– Кем являюсь?

– Ты знаешь.

– А ты?

– Что за глупости ты говоришь?

– У меня тот же вопрос. В любом случае ты не сказал кто я.

– Ты дасунь сын Великого змея.

– Дасунь? Дасунь. – Пробует слово на вкус. – Не думал, что ты вот так просто сделаешь меня одним из воинства Великого и Всеобъемлющего. – В голосе слышится улыбка. – Нет, я не один из них, а вот, ты, ты ещё можешь им стать.

– Но если ты не...

– Неправильно мыслишь. То кто я не столь важно.

– Тогда хоть имя сажи если оно у тебя имеется.

– Имя... имеется, но оно тебе ничего не скажет. Пожалуй, лучше будет описать меня.

Оно протягивает мне руку, я берусь – меня отрывает от земли, в следующий миг уже стою на своих ногах. Незнакомец отходит шаг назад и разводит руки в сторону.

– Я отказавшийся от покоя, заглянувший за грань, странник во мраке, вестник гибели, летописец смерти, жнец смертных, тюремщик и надзиратель бессмертных, лишённый жажды власти и проклятый на обладание ею, стремящийся к давно потерянному и обречённый на извечные поиски. – Наконец закончив, он кланяется мне.

– Довольно красочно. – Кланяюсь в ответ. – И всё же, если ты явился не затем, чтобы убить или забрать, тогда для чего ты здесь? – Оглядываюсь по сторонам и добавляю. – А здесь это где?

Вокруг хвойный лес, а на небе не звезды, видимо всё в тучах.

– В твоём разуме. В самом потаенном месте души. И здесь довольно темновато, надо сказать. Не мне учить тебя, но все, же соблюдай равновесие... О-о и ты здесь. – Говорит незнакомец, повернувшись к выходящему из-за деревьев громадному волку. – Всё никак не отвыкнешь от волчьего образа.

– Как и ты от своего. – Рычит волк, затем обращает взор огненных глаз на меня. – Ты справился. Хоть совсем не хорошо, но все, же справился.

– Так это был ты. – Утверждает незнакомец, поворачивается ко мне и кажется, вглядывается, хотя, непонятно чем. – В любом случае он должен быть очень силен, раз выдержал твоё вмешательство. Так или иначе я узнал всё что хотел. Не смею дольше задерживаться. Олег, надеюсь мы ещё встретимся.

После чего чёрный странник стягивается в одну точку пока, не исчезает окончательно. Мы остаёмся с волком вдвоём.

– Это ты? Твою жажду я чувствовал?

– Разве важно, чей голод ты испытывал? Победа за тобой, враги повержены и повергнуты в бегство.

– Просто ответь.

– С какой стати мне делать подобное. Какое право ты вообще имеешь хоть что-либо требовать от меня.

– Требовать не имею, ни по силе, ни по званию. Потому

и прошу...

– Нет. – Строго обрывает дух. – Нет, я здесь не для того чтобы отвечать, но помочь и предупредить. Одному тебе с врагом не совладать, даже если зверолюды помогут – это слишком мало. Нужно войско, настоящее войско, сильное войско под могущественным предводителем.

– Сомневаюсь, что хоть кто-нибудь пойдёт за мною.

– Не смей меня, ты даже деревенских не смог собрать, которые из оружия держали разве что ножи, что и говорить о настоящих бойцах.

– И где же мне искать подобное воинство?

– Твоя жизнь, не моя, вот и думай. Моё дело указать. И вот ещё что... просыпайся!

Меня выбрасывает из забытья в явь, и тут же возвращается боль вместе с бледной тенью того океана чувств, что нахлынули в этом злосчастном лесу.

Я не совсем понимаю, где нахожусь, да и какая разница? Какая ко всем чертям разница, кто рядом со мной и от чего они не дают подняться с кровати. Они мешают. Портят. Не дают отдышаться... прочь... ПРоЧь, П ПрОчь. МеШае-ТЕ... ДЫ... Дыш... Дышать... Про-о-о...

СВОБОДА. ОТСЮДА. ТАМ ГДЕ СВЕЖО. НА ВОЛЮ, ВОЛЮ, ВОЛЯ.

Дядя ветер, выбей помутнение и усталость, дай разуму просиять.

Мать сыра земля, забери боль да хворь. Нет мочи терпеть,

слёзы ручьём идут, стон из груди моей выходит. Помоги, облегчи ношу.

«Ты ни один». – Слышу в мыслях знакомый голос: «Я рядом. Расслабься, знаю трудно, но пробуй... позволь боли свободно разойтись в теле – так она быстрее вытечет. Поверь, ты выдержишь».

Выдерживаю, делаю, как он велит и выдерживаю. Головная боль начинает проходить первой, а вместе с ней пропадает и помутнение. Земля, на которой я распластался, и вправду вытягивает мучающую меня боль – частое глубокое дыхание выравнивается, давая лёгким отдых.

«Вот и всё, вытри слёзы, Олег, ты справился».

Открываю глаза и вижу стоящего на коленях подле меня высокого человека, с короткими волосами и чёрными, как мрак вокруг, пышными усами.

Он берёт меня за плечи и помогает подняться, прежде чем подняться в полный рост, я незаметно вытираю следы от слёз.

«Здесь нечего стыдиться, слёзы помогли перетерпеть боль, так и должно быть».

– Благодарю. – Говорю одними губами.

«Я выполнил свой долг, теперь ты выполняй свой». – Как только звук слов смолкает в мыслях, мы направляемся в палатку.

А точнее высокий мужик чуть ли не несёт не на много меньшего спутника, ноги которого едва переставляются.

Я не сопротивляюсь, не могу, да и не желаю чем-либо перечесть своему спасителю.

Мы спокойно заходим в палатку там нас ждут Михаил с Ольгой. У Михаила на лице красуется небольшая царапина на щеке стремительно затягивающаяся, не оставляя рубцов. Ничего ни говоря, они отходят, позволяя моему помощнику усадить меня. После чего тот выпрямляется и следует наружу – мы остаёмся втроём.

Михаил осторожно подходит ко мне протягивает чашу с водой и чистой тряпицей.

– Умойся, а я осмотрю тело.

Не сказав ничего больше, Михаил берётся за дело, пропуская по телу едва ощутимые нити силы. Предпочтя не обращать внимания, я окунаю руки, и в воде оказываются капли уже свернувшейся крови вперемешку с землёй и травой. Вновь взглянув на Михаила ещё раз, замечаю, на сей раз, почти пропавшие четыре тоненькие красные полосы.

– Прости.

– Не стоит, – говорит примирительным тоном. – Это моя вина. Мне не удалось усмирить боль и я поплатился за это.

– Ты сделал тогда всё что мог, Михаил, вряд ли хоть кто-нибудь смог бы ему помочь, кроме его самого.

– Так что же ты сделал там в лесу? – спрашиваю я.

– Вернул твоему телу возможность двигаться, а также облегчил отдачу. – Не отрываясь от дела, отвечает Михаил. – Полагаю не стоит объяснять, что такое отдача и насколько

она бывает опасна, раз ты и сам испытал её на себе.

– И так всегда?

– Только когда используешь слишком много силы или же, например, от использованного заклятья. Выброс тобою столь огромного потока силы был убийственным не только для них. Ты истощил свой собственный жизненный запас почти подчистую. Это не учитывая заклятье, о котором я не имею ни малейшего понятия, кроме как то, что оно тёмное. Что в свою очередь не делает тебе честь.

– Даже если мне удалось сотней упырей?

– Особенно если тебе удалось подобное, – поникает Ольга. – Поначалу мы могли... – Обрывает себя, не давая злости вырваться.

– Что «по началу»?

– Просто знай, что после битвы у подножья, наше мнение о тебе сильно переменялось.

– Это дружеское предупреждение?

– Скорее наоборот.

– Довольно, Ольга, покуда он под моей опекой его и пальцем не тронут.

Ольга сверкает глазами, но Михаил лишь безразлично пожимает плечами.

– Я единственный по-настоящему умелый лекарь, Владимир не может не считаться со мной, покуда это хоть как-то касается меня, а Олег касается, не сомневайся.

Ольга направляет на меня угрожающий взгляд:

– Как только Михаил закончит с тобой, явись к Владимиру.

После чего она покидает нас.

– А ты интересный человек. – Говорит Михаил и оканчивает свою проверку.

– Всё?

– Уже давно всё. Ешь побольше и должно пройти

Он широко улыбается.

– Как тебе удалось?

– Ты там был и сам всё видел. – Отвечаю не без угрюмости.

– Видеть то видел, а вот понять... – лицо стало озадаченным. – Казало тобою овладел дух, а ты был лишь вместилищем. Но это навряд ли.

– Почему?

– Дух никогда не отпускает того чьим телом ему удалось завладеть. Лишь только люди с сильной волей и прошедшие обучение могут без вреда для себя впускать духа, да и то на короткое время.

– Значит, Доля всё же обратила на меня взор.

– Доля это или Недоля, но недоброжелателей у тебя прибавилось. Хотя были и те, кто оценил твою... воинственность. То как ты играючи рубил вампиров наряду с упырями было удивительно даже для нас.

– Вампиров?

– Да вампиров. Не доводилось слышать?

Качаю головой. Михаил поднимает руки, словно взвешивает что-то:

– Разница между ними есть, но не каждый способен её увидеть. В конце концов, и упырь, и вампир оба мертвецы. Однако наметанному глазу вполне по силу увидеть разницу.

– Бледность кожи.

– Верно. – Кивает Михаил. – Чаще всего можно определить и по этому, хотя это лишь наглядное различное, а вот чтобы окончательно понять, кто есть кто, достаточно вытащить их на солнце.

– И что случится?

– Вампир сгорит. – От дружественной тени улыбки не остаётся и следа. – Упырь упадёт замертво только и всего.

– Почему?

– Кто знает. Просто это есть.

Взгляд устремляется к стенам палатки, что совсем недавно были разорваны, сейчас же они зашиты и сшиты с другими тканями.

– Недавнее нападение опустошило все наши запасы, приходится обходиться тем, что есть.

– Не в этом дело... – отнекиваюсь, впадая в раздумье. – Тот, кто напал на меня здесь, был вампиром верно? Его сила, – опережаю встречный вопрос Михаила. – В поединке с ним я замечал его, был способен предвидеть, как и куда он ударит. На поляне меня просто растерзали, я не мог даже заметить... А потом... его кровь и привкус силы, что он оста-

вил. Это совсем другой вкус совсем другой дух, до невозможности непохожий на дух старейшины. Всё равно, что разъярённая псина и матёрый рассудительный волк.

– Весьма точное сравнение. Правда ты сравнил старого и мудрого с молодым и неопытным. Но, все же, ты прав, их дух весьма различен, даже противоположен. Если вампир – это пламя, то упырь – это лёд. И снова это не единственная разница. Опираясь на мой сорокалетний опыт пребывания в схватках с разного рода нечистью, могу судить, что вампиры способны колдовать.

– И что же тут такого? Я видел, как у упырей отрастали когти.

– Ну, это не совсем колдовство, скорее использование тёмных даров – сил, что проистекают из мира мёртвых. Для колдовства нужно иметь связь с миром живых, хотя бы тонкую, но связь, чтобы иметь возможность оказать влияние на окружающее нас существо. Упыри напротив начисто отрезаны от яви, даже тела, занимаемые ими, являются очень даже необычными. Как однажды сказал мне мудрый и ведающий многими тайнами волхв, да упокоится он во Сварге: «Дары упырей направлены на изменение собственной плоти и духа, что может распространиться даже за грань обычного понимания тела. Всякий же, испытавший их силу, всего лишь переходит границу их естества».

– И что это должно значить? Что они, что не от мира сего? Вампиры тогда от нашего?

– Я привёл тебе разницу между колдовством и использованием даров. – Возмущается Михаил. – Тебе бы правильные выводы делать, а ты начинаешь подвергать сомнению сказанное очень мудрым и умным человеком.

– С чего ты взял, что он мудрый и умный?

– Скажем так, однажды он предрёк смерть от змеи одному мужу. И что странно, так и вышло, правда не так как все думают.

Недолгая тишина.

– Ты имеешь в виду?

– Верно.

– Тогда сколько же тебе лет?

– И снова неправильный вопрос. Не мне... ему. – Хитрая улыбка проявляется на устах. – Долголетие удел немногих и всё же он не столь уж и редок как все считают.

Ветер врывается во вход, подхватывая ткань, как паруса на лодках, а вместе с ним доносятся звуки снаружи.

– Если хочешь, можешь отдохнуть пару часов, прежде чем явиться к Владимиру.

Ответом служит мрачное покачивание головой. Я поднимаюсь на ноги, Михаил вслед за мной; поклон в пояс с моей стороны в знак благодарности и глубокого уважения к этому, на первый взгляд, не шибко храброму, но на деле, поистине бесстрашному и рассудительному в час нужды. Михаил кланяется в ответ не менее искренне.

– Не поддавайся ни ярости, ни страху, он с легкостью по-

чует и то и другое.

Последний кивок и, неоглядываясь направляюсь к выходу.

Темно, всё ещё ночь. Как же много событий прошло за одну единственную ночь. И чему ещё предстоит свершиться за сегодня. Надеюсь, мне удастся узреть рассвет.

Вот только где находится палатка этого Владимира?

– Иди за мной, – говорит человек твёрдым голосом сбоку от меня.

Резко оборачиваюсь к своему сопровождающему. Ростом с меня, с повязкой на голове, держащей длинные жёлтые волосы на месте, и голубыми глазами.

И где он только стоял, что я его не заметил? Неважно. Сейчас главное проследовать за ним до Олега, а там посмотрим, как быть.

Мой сопровождающий проходит мимо меня и идёт дальше, не оборачиваясь, я следу за ним. Пока мы идём, мне удаётся увидеть людей в свете костров собирающих своё добро. Солнце ещё не встало да и встанет оно ещё очень-очень не скоро, однако все уже собираются.

Хорошо, по крайней мере, Владимир не собирается здесь задерживаться, почти наверняка отправиться в погоню. Остаётся вопрос, какая роль будет предназначаться мне?

Мы подходим к большой по размерам палатке. Путник поворачивается и говорит:

– Здесь. – Кивает головой ко входу, после чего уходит.

Внутри довольно просторно, в середине стоит небольшой довольно крепкий стол, складной судя по всему, Владимир опирается руками о него и смотрит в карту. По углам палатки стоят Ольга и Третий и смотрят на меня. Не успеваю я отойти от выхода, как в палатку врывается Михаил, чуть не сбивая меня с ног. На мой вопросительный взгляд он никак не отвечает.

– Не помешаю? – спрашивает Михаил, довольно спокойно, даже играючи.

– Проходи. – С равнодушием, без тени ярости или недовольства говорит Владимир.

Михаил кивает и занимает один из трёх углов.

– Собираешься? – спрашиваю я с прикрытой опаской.

– Да. – Отвечает он твёрдо. – Их вчерашнее нападение закончилось весьма плачевно, так что они отправились в бегство, хотя тут радоваться нечего.

– Это почему же? Этой ночью была собрана обильная жатва, никто не уцелел.

– В этом и вся беда. – Продолжает смотреть в карту. – Ты.. не оставил ни одного пленного. Теперь, а учитывая, как упыри передвигаются по лесу, выследить их крайне сложно. К тому же им удалось завладеть тем, зачем они пришли отвлекающее же нападение, худо-бедно, а удалось.

– Моя сестра?

– Значит твоя сестра. – Утверждает Владимир. – Кое-что о тебе прояснилось хоть далеко не всё.

– Вам удалось их выследить?

– Тебе то что?

– То есть? – Возмущаюсь я. – Моя сестра у них в плену не ведомо для чего, а ты ещё спрашиваешь почему.

Наконец, убрав взор от карты, он поднимает взгляд на меня, через щели которого течёт злорадия.

Ещё не решил, что со мной делать.

– Послушай. – Говорю более сдержанно. – Я помог тебе отразить нападение, разве увиденное не стоит того чтобы взять меня с собой.

– Увиденное стоило того, чтобы растерзать тебя прямо там, когда ты упал обездвиженный. Я всё ещё обдумываю: «Не осуществить бы мне подобное».

– Тогда ты совершишь огромную ошибку.

– Вот и посмотрим.

Не успеваю я встать в стойку, как передо мной оказывается третий, не давая Владимиру напасть.

– Я принимаю его в свой род. – Говорит Владимир.

От сказанного у Ольги расширяются глаза, и чуть ли не отвисает челюсть. Михаил сжимает кулаки от волнения.

– Ума лишился, я изгоню тебя и нареку предателем.

– Изгнать ты меня вправе, но наречь предателем не имеешь права. Я не нарушал ни закона, ни договора.

– Он не будет частью племени.

– Разумеется.

Какое-то время он смотрит на меня оценивающим взглядом.

дом, будто решает, стою ли я раскола.

– На выход, оба.

Не говоря больше слов мы выходим наружу и смотрим друг на друга. Третий кивает в сторону костров, после чего направляется к одному из них я за ним. Мы подходим всё ближе и ближе, люди уже давно собравшие вещи и коротающие время в дружеском общении поворачиваются к нам и дружелюбно улыбаются. Один из них встаёт с земли, подходит ко мне:

– Здрав будь. Имя моё Сергей.

Я протягивает свою руку.

– Олег меня звать.

У него довольно лёгкое рукопожатие, несмотря на силу, коей наделён. Ростом вышел даже больше моего. Короткие золотистые волосы, голубые глаза, а также наделён небывалой статностью, как раз, подходящим его росту.

Он боком поворачивается ко мне и рукой указывает на сидящих у костра мужиков и дев.

– Позволь тебе представить моих друзей, братьев и сестёр. Василий, Виктория, Вадим и Ульяна.

Каждый, кого он называет, отзывается поклоном.

– Не хочешь ли ты погреться у костра вместе с нами?

А почему нет?

– С радостью.

– Ну и ты Григорий само собой присоединяйся, давно уже вот так не собирались нашим родом.

Сергей приглашающим жестом указывает нам место, где можно расположиться. Мы с Григорием подходим к свободному месту и усаживаемся друг напротив друга. Земля тёплая спасибо костру.

– Так значит это правда? – спрашивает меня Ульяна, первой обрывая молчание. – Ты действительно бился в одиночку против сотен вампиров и упырей?

Ульяна небольшого роста, одета она в кожаную броню, у неё длинные русые волосы с карими глазами жаждущими узнать всё из первых рук.

– Да, – говорю я это не с таким уж воодушевлением, каким она от меня ожидала. – Ты была где-то на вершине.

– Ага. Стояла вот с этими двумя великанами. – Указывает на Василия и Вадима. – Охраняла лагерь от непрошенных гостей, но почти вся битва произошла в лесу. Виктория сказал, что все мертвецы сражавшиеся с ними внезапно направились к тебе. А ты словно оголтелый из сказаний в одиночку расправился с целым войском. Ведь это же неправда? Не могу поверить, что человек смог в одиночку отразить натиск такой сила, да к тому же не просто отразить, – её глаза горят огоньками. – Она сказала, что ты резал их секирой, как пахарь скашивает урожай. Объясни как такое возможно.

Не знаю радоваться или наоборот бояться, что столь молодая дева интересуется, как мне удаётся убивать с такой лёгкостью. Пожалуй, я позволил забыть себе об особенностях двойственности или скорее тройственности их природы.

– Увы, но я сам не знаю.

– Знаешь-знаешь, – прищуривается Ульяна. – Мы чуем, когда обманывают.

– Почему же тогда Владимир не почувал мою правду. – Говорю про себя

– Он почувал, что ты верил в свои слова, истиной от этого они не стали. – Говорит Григорий.

Мы смотрим друг другу в глаза, и в этот раз на дол мгновения замечаю искорку печали прикрытую за маской рассудительной строгости.

– Благодарю тебя. Боги знают, чем всё закончилось, если бы ты не вмешался.

Григорий кивает головой:

– Благодарность принимаю, но не думай что ты чем либо мне обязан. Это было моё право и моя возможность, я ею воспользовался.

Мы замолкаем и направляем взгляды на остальных. У всех прямо таки читается любопытство на лицах.

– Что, где и когда произошло? – Спрашивает Ульяна.

– Что произошло не так важно, главное, Олег теперь принят в мой род и нашу семью.

– И ты согласился? Нет не так. Как ему удалось тебя уговорить?

– Там и уговоров не было. – Говорю я. – Я просто был принят в род, на этом всё.

– Ты примешь кровь волка?

– Нет! – отвечаем мы с Григорием одновременно.

– Я не нуждаюсь в подобном.

Снова молчание.

– Вы родственники? – обращаюсь ко всем.

– Нет. Не все и не так как это бывает у людей. – Отвечает

Ульяна. – Я, к примеру, являюсь чистокровной волколачкой, от союза человека и оборотня, что приняла дар от Милеслава, сына Григория.

– В каком-то смысле, Ульяна является моей внучкой.

– А где же сам Милеслав?

– Во Сварге. – Отвечает он с болью в голосе.

– Как и моя матушка, как и у каждого из нас, Григорий. –

С лаской и утешением говорит Ульяна. – Ты не один и никогда не будешь один.

На безразличном и хмуром лице Григория проступает слабая благодарственная улыбка, он бережно обхватывает протянутую к нему руку Ульяны и говорит:

– Благодарю тебя, сгладила душу старику.

С этими словами в воздухе завитал необычный дух. Сергей, Виктория, Вадим, Ульяна прямо таки сочатся едва ощутимыми, как пламя костра, лишь греющим, но обжигающим чувством единения. Невольно и я попадаю под это тепло. Хотя, невольно ли? В конце концов оно позволяет мне ненадолго забыть о той боли, что грызёт меня кажется вторую или уже третью ночь.

Плохо. Нельзя забывать о боли, нельзя забывать о Надеж-

де. Только она только её спасение важно. Рана должна болеть, должна напоминать и подстёгивать, без неё я впаду в замешательство. Говори, говори всё что угодно, но прекрати этот ток.

– Ульяна! – вмиг поток прекращается, взгляды всех обращаются ко мне. – Я не совсем понимаю. Ты являешься чистокровной, но твой отец человек.

– Да и что? Чистота крови здесь определяется не по количеству волколаков родителей, а тому, кем ты родился. Таких здесь большинство, скажу тебе.

– А где же он?

– Даже не догадывается, что я у него есть, – отмахивается она. – И так даже лучше.

– Лучше, что он не знает свою дочь оборотня или же из-за того, что его дитя принимает участие в таких битвах, в которых его самому никогда и в жизни не принять?

– Не знаю, Олег, не знаю. – Улыбка исчезает и оставляет лишь печаль. – Да и знать не хочу.

– Блажен тот, кто не ведает. – Говорит великан, светя белыми зубами, почти что в оскале.

– Напомни, как тебя зовут. Не обижайся, просто довольно необычное имя.

– Никаких обид, порой я даже завидую этой простой человеческой черте как забывчивость. Сергей.– Протягивает руку. – По крайней мере, так я зовусь в этом десятилетие.

Губы невольно искривляются в улыбке.

– Олег.

– Помню, помню, как и всё остальное.

– И сколько же раз ты менял имя.

– Как вступил племя, так и сменил. Нравиться? Греческое или ... – Сергей принимает наигранно задумчивый вид. – Византийское. Так и не уточнил этот вопрос.

– Дурень. – Вступает в разговор Василий изо всех сил стараясь смягчить громогласный голос. – Византии тогда и в помине не было, а его уже использовали.

– Многие имена появились до появления государств. – Возмущается Сергей всё также наигранно. – Я говорю о странах, где подобные имена используют.

– Да почти весь прибрежный юг использует подобное имя, родиной этого имени он так и не стал.

– Ой, всё началось. – Усталым и раздражённым голосом говорит Виктория. – Опять они спорят ни о чём.

– Мужики что с них взять. – Молвит Ульяна наблюдая за ними, желая увидеть, во что же это перерастёт.

Похоже, по настоящему, скучать им не приходится. И сколько раз у них подобный спор перерастал в добрую драку?

«Вроде чистокровные, а задора как у полукровок». – Слышу голос Виктории в мыслях.

«Тут видимо все чистокровные», – думаю я.

«Ну почему же все», – ни с того ни с сего звучит Ульяна.

И я, и Виктория обращаем свой взор на неё, причём Вик-

тория совершенно не скрывает удивления. А Ульяна лишь хитро улыбается и вонзает пальцы в ногу Вадима – из горла того вырывается сдавленный злой рык, а глаза становятся серебристоголубыми.

– Да что ты творишь, словно сам чёрт в тебя вселился.

– Кто знает, Вадим. Может, кто и посильнее во мне засел. – Отвечает Ульяна, смотря на него как-то неоднозначно.

Сергей и Василий прекращают свой спор, который вот-вот должен был перерасти в бузу, и поворачиваются к костру.

– Становишься сильнее. – Молвит Григорий

Ульяна уважительно кланяется. Григорий мягко толкает меня вбок и говорит:

– Почти все собрались, мы скоро отправимся в путь. Сходи к нашему кузнецу, пусть выдаст броню, да оружие. Скажи ему: «Григорий просит об услуге», он поймёт. Теперь иди, ещё поговорим.

Чуть ли не выталкивая меня. С непривычным для себя нежеланием я поднимаюсь на ноги.

– Видишь вдалеке небольшой костёр, рядом с ним повозка, там и ищи его.

– Ещё увидимся. – Говорит на прощанье Ульяна.

– Обязательно. – Отвечаю я отдалаясь от них.

Глава десятая

У костра стоят несколько женщин и мужчин, ещё двое стоят рядом у повозки и обсуждают что-то. Я подхожу к костру, дабы меня увидели присутствующие здесь.

Хотя они и так прекрасно знают, что я здесь и не сомневаюсь что и видят тоже.

Когда они поворачиваются, я кланяюсь и говорю:

– Здоровы будьте. Моё имя Олег я пришёл сюда, так как мне сказали, что здесь есть мастер кузнечного дела.

– Да, есть такой, – говорит молодой, но обросший бородой и волосами мужчина, довольно большого роста и сильного телосложения. Я дал бы ему лет тридцать – вот только зачем он тебе понадобился?

– Меня послал Григорий, просит об услуге. Мне бы оружие новое, и броня честно сказать не помешала бы.

– Ишь чего вздумал «Броню да Оружие». – Говорит он с поучительной строгостью правого. – Что делается с людьми, в самом деле? Да ещё и от Григория. Опять принял к себе какого-то уroda. ¹

– Ты имеешь что-либо против? – Спрашиваю не без злобы.

– Против? Нет. Принимать неизвестно кого, особенно ес-

¹ Близкий по крови; состоящий в близком, среднем или дальнем родстве.

ли этот кто-то показал себя с не лучшей стороны, вот против чего я.

Взгляд. Тяжёлый циничный взгляд старца в теле юноши. Сколько же нужно прожить, сколько повидать, потерять, обрести и снова потерять, чтобы обрести такое мировидение?

Лохматый поднимается на ноги с такой лёгкостью будто бы и вовсе не имеет веса.

– Меня зовут Георг. – Кланяется он. – А что до брони с оружием. У меня есть кое-что, можно сказать прямо ждало твоего прихода.

Другие смотрят на него искоса с осуждением, Георг же спокойно поворачивается к ним и властно на них смотрит.

– Неужели вы думали я дам ему твои поделки, которые все ошибочно принимают за оружие, Свентовит, или же твои сарафаны, у которых только название «броня», Велеслава? Может наш род и предпочитает когти вместо копий и плотную шкуру вместо, настоящей защиты, но это не даёт вам право делать подобные искажения. – Затем он поворачивается ко мне. – Идём к моей телеге.

Телега находится на достаточно большом отдалении от костра, что лучи не доходят до неё. Благо к полутьме глаза у меня привыкают быстро. Георг запрыгивает на телегу, нагибается и начинает оттуда что-то доставать.

Тем временем я всматриваюсь в лес, точнее в то, что в силах увидеть, покуда луна со звёздами спрятались за тучами.

Где-то там упыри убегают от нас, унося мою сестру, чтоб

Кощей спалил их чёрные души. Неважно что мне придётся сделать и на какие жертвы пойти, с кем заключить договоры, но клянусь перед богами прав и нав: Сварогом, Белбогом, Чернобогом, Кашеем, Ярилой, Велесом, самим Родом, я найду тебя Надежда и верну домой.

Георг поднимается с большим ящиком на руках таких размеров, что даже для того, чтобы поднять его пустым потребовалось бы мужика два. Однако Георг держит его без усилий.

– Удивлён да? – спрашивает Георг.

– Это не самое поражающее, что мне довелось увидеть за последние ночи.

Он спрыгивает с телеги, опускает ящик на траву, затем снова запрыгивает на телегу, затем ещё раз и ещё. В итоге на траве оказывается четыре ящика.

Не представляю, как они там умещаются.

Георг также достаёт факел, зажигает его и втыкает в землю. Потом он снимает с пояса связку ключей и начинает открывать ящики.

В первом я вижу предметы обёрнутые кожей и плотно прижатые друг к другу, во втором рубахи и шкуры разных зверей.

Георг достаёт оттуда шкуру оленя и кидает мне.

– На надень, а то аж совсем заколел, и не пытайся отрицать.

– А ты почему не надеваешь?

Он пожимает плечами.

– Для волколака это не холод, так... лёгкий ветерок.

Покрыв себя шкурой, меня обволакивает теплом и запахом молодого зверя. Молодого и слабого, он даже не понял что умер, душа ушла спокойно без боли и страданий.

Тем временем Георг открыл ещё два ящика.

В них лежат броня, как из кожи, так и из неизвестного мне металла.

Это явно был сплав железа и чего-то ещё.

Георг призывает меня рукой, я подхожу, и он достаёт верёвочку и начинает обводить ею по моему телу. Закончив, задумчиво смотрит на ящики и на меня, на ящики и снова на меня. Затем Георг начинает копаться в ящике, достаёт оттуда части кожаной брони и кладёт их на траву.

– Надевай, должно быть как раз.

Я скидываю шерсть и одеваю на себя кожаную броню. Она оказывается довольно лёгкой, и на удивление твёрдой и прочной. Хотя одевать её оказывается совсем не просто.

Ну а что? Как-никак мой первый опыт.

Георг даже не пытается мне помочь, просто стоит и смотрит строгим взглядом. От такого наблюдения мне становиться особенно тяжело нацеплять на себя броню. Когда я, наконец, заканчиваю, Георг осматривает меня вокруг. Пару раз поправляет, натягивая лямки, где нужно.

– Ну что? Если бы ты был моим учеником, раз десять бы выпорол тебя за подобную манеру надевать броню. Хоть

не перепутал перед с задом. – Затянув лямки ещё в нескольких местах говорит: – Будешь носить эту. А пока что снимай нечего в ней шататься без дела.

– А это что за броня? – спрашиваю и указываю на другой ящик. – Никогда раньше не видел такого металла.

– Это стальная броня, – говорит Георг. – Знания и способы получения такого металла у каждого свои. Некоторые пробуют что-то новое используют разные сплавы, как например, я. Но не всегда получается, сделать броню лучше. Поэтому у каждого мастера кузнечного дела есть свои особые секреты создания стальной брони, – продолжает Григорий. – Но моя броня одна из самых лучших. Даже у дружины князя броня и того хуже.

Георг смотрит на своё детище с нескрываемой гордостью.

Надо признать пусть Георг совсем мне не нравится он знает себе цену и умеет оценивать других, пусть и подчёркивает их худшие стороны. Не удивлюсь если он также общается и с Владимиром. А значит, он начинает мне нравиться, ну а то, что нрав дурной, чтож обо не также говорят.

– Как думаешь, мы сможем спасти мою сестру?

Георг отрывается от складывания ящичков и обращает на меня холодный волчий взгляд. Глубоко вздохнув Георг молвит:

– Эти люди самые яростные сукины дети из всех, что я видел, а я их поведал немало, поверь мне. Владимир конечно не самый лучший вождь, каких я только знаю, но достаточно

хороший, чтобы держать племя вместе. Хотя с яростью много не навоюешь, более того, чаще она приносит поражение в войнах.

– Вот и ободрил.

– Я тебя не ободрять собирался, а говорить правду. Правда такова, сестру твою мы может и спасём, а вот помешаем ли мы их задумкам, очень даже сомневаюсь.

На мгновение я ухожу в себя, обдумывая слова Георга, беспamięтно уставившись на тележку.

А ведь без лошади далеко не уедешь. Как же мы будем преследовать беглецов, если у них даже скотины нет, чтобы перевозить всё это добро.

– Всё на себе возим в волчьем обличии. Запрягаем да носим. Лошади, да прочий скот не шибко нас любит, если они будут в окружении стольких волколаков, то просто обезумеют от страха.

– Не читай мои мысли.

– А ты не думай так громко.

Мы пристально смотрим друг на друга, ожидая кто из нас первый заговорит, на его счастье я спишу оттого и подаю голос первым:

– Кто же ты на самом деле Георг, если это твоё настоящее имя, в чём я сомневаюсь. То как ты держишься, говорит о твоём воинском происхождении, если только это не очередная попытка сбить с току. То как ты говоришь, чуть ли ни кряхтя, словно ты очень и очень стар, однако ты молод,

хотя здесь все необычайно молоды. И те мастера у костра, смотрели как на вожака.

– Слишком много говоришь.

– Ты бы всё равно услышал о чём я думаю, так зачем играть в незнайку?

Георг улыбается и протягивает руку:

– Смотри, если интересно.

Я протягиваю ему свою руку. Мы соприкасаемся – его сила проходит через меня – густая тёплая тяжесть огромного могущества, накопленная десятилетиями долгих и изнурительных занятий. Ему чуть больше ста лет и это только будучи волком. Притом его сила разительно отличается от других. Словно чего-то не хватает.

Глубже надо заглянуть глубже. Вот оно. Григорий полукровка его обратили стариком.

Григорий тут же вырывает свою руку из моей хватки. Я смотрю на него, и меня одолевает страх.

Я знаю силу Владимира. В эту ночь, когда он пытался подчинить меня себе, он использовал всю свою мощь. Но если бы это сделал Георг, у меня не было бы ни одной возможности устоять.

Георг смотрит на меня равнодушным волчьим взглядом.

Я видел такое пару раз. Оба раза глубоко в лесу. Волки смотрели на меня равнодушными очами. Если бы я напал на них, мы бы сразились, если бы я просто ушёл, ничего бы не произошло и мы бы пошли своими путями. В обоих случа-

ях всё решилось по мирному, но здесь так просто не получится.

На меня смотрит человек с глазами волка и ждёт моих слов.

– У тебя необычайно острая чувствительность, не каждый волколак может так глубоко увидеть. – наконец обрывает тишину Георг, поняв, что я не знаю что сказать. – Не говори Владимиру о моей силе... Не знает на моё счастье. И не узнает.

– Почему ты не вождь?

Георг качает головой.

– Я не стремлюсь возглавлять племя. Хватит с меня того времени покуда я был боярином будучи человеком. Теперь я мастер кузнец, что делает весьма хорошую броню и оружие. Каждый должен делать то, что он умеет. Поэтому я прошу тебя. Никто не должен узнать о моей настоящей силе.

– Почему?

Георг снова печально вздыхает.

– Пусть мы люди, но мы также и волки. А в стае правит сильнейший. Если все узнают о моей силе, то влияние Владимира ослабнет. А мои высказывания, могут восприниматься как приказ. Владимиру придётся доказывать, что он сильнейший. Он вызовет меня на бой...

– И ты боишься что победишь.

– Я не боюсь, я это точно знаю. Владимир мне неровня. Он не продержится против меня долго. И как я уже сказал,

я не хочу быть вождём. Хватит с меня власти.

После недлинного молчания я, наконец, отвечаю:

– Я сохраню твою тайну.

Георг отвешивает мне поклон благодарности.

– Ну, коле так, то давай выберем тебе оружие.

И мы обращаем свои взоры на оставшийся ящик.

– Меч, топор или секира? – спрашивает меня Георг.

– Топор и секира.

Георг мрачнеет, взгляд становится, словно на его, и без того нагруженные плечи ложиться ещё одна ноша.

– Либо топор, либо секира выбирай что-то одно.

– Тогда топор, но такой чтобы можно было наносит колющий удар.

– Топор с клювом.

– Именно.

Немного порывшись Георг достаёт размером с чуть больше локтя кожаный свёрток. Когда Георг разворачивает его, моему взору предстаёт изогнутый двухсторонний боевой топор. С одной стороны он предназначен, чтобы рубить, а с другой, чтобы колоть.

– Значит так, это называется франциска моего изготовления. В умелых руках быстрое и смертоносное оружие.

Георг поворачивается в сторону одного из небольших деревьев, прорастающих в это части холма, и в это же мгновение бросает франциска. Топор разрубает дерево словно травинку. Затем Григорий вытягивает руку – воздух становить-

ся густым от силы. Миг франциска прилетает к нему, возвращаясь к своему владельцу. После чего он отдаёт его мне.

Я благодарственно смотрю на него и говорю:

– Спасибо.

Георг кивает в ответ.

– Будешь говорить спасибо, когда будет за что, – говорит он и затихает на время. – Возьми кобуру под своё новое оружие и иди к друзьям, мы скоро выступаем.

Ничего не ответив, я кланяюсь ему, беру кобуру, закрепляю на поясе, вкладываю в неё франциска, поворачиваю к огонькам костра, которые горят где-то вдалеке, и иду туда.

Глава одиннадцатая

Всё хуже, чем казалось по началу. Вроде мне всего-то надо заручиться поддержкой тех, кто помогут в спасении сестры. В итоге я попал в немилость к вождю и оказался между молотом и наковальней. С одной стороны нечисть которая, не сомневаюсь, в скором времени должна начать охоту на того кто в одиночку расправился с не одним десятком нежити. С другой Владимир, который, как я полагаю, боится меня, от того хочет моей смерти не меньше упырей.

В какой-то миг перед взором моим возникает палатка, в которой два, а то и все три раза шла борьба за мою жизнь.

– Олег. – Голос Михаила доносится справа, от выхода.

Вскоре показывается и сам Михаил со сложенной кроватью в руках.

– Рад тебя видеть. Пришёл помочь мне с палаткой.

– Я...

– Вот ты где. – Недовольный голос Ольги разносится за моей спиной. – Где только тебя носит.

– Что-то случилось? – Спрашиваю, поворачиваясь к ней.

– Много чего случилось, например ты. И теперь мне придётся возиться с тобой.

– В каком смысле «возиться»? – Невольно рука ложится на навершие франциска.

Ольга не замечает или делает вид, будто не замечает.

– Нам удалось взять след упырей, точнее семь следов.

– Вы решили разделиться и я буду с тобой.

– Владимир решил, – говорит с нажимом, – Но да, ты будешь в поём отряде. – Её взор устремляется в сторону. – Михаил, ты с Владимиром.

– Как всегда. – Обыденным голосом говорит Михаил. Направив свой взор на него, вижу собранную палатку, а в невдалеке все остальные вещи.

– Кто ещё с нами. – Спрашиваю я.

– Григорий, Сергей, Василий, Виктория и Вадим.

– Не так как всегда.

– Так решил Владимир. Имеешь что-то против, Михаил?

Михаил пожимает плечами:

– Если вождь считает, что так будет правильно...

– Вождь считает.

Мой и Ольгин взгляды встречаются:

– Возвращайся к Григорию, я вскоре подойду к вам.

С этими словами она уходит во тьму.

– Значит пора прощаться. – Говорит Михаил. – Макошь ведает, какая судьба нам уготована, встретимся ли мы вновь. В любом случае пусть предки сохранят тебя. – Кланяется мне.

– И тебя, Михаил. – Кланяюсь в ответ и направляюсь к костру Григория.

Григорий и прочие уже собираются к дороге, вооружённые мечами топорами и ни у одного нет щита. Зато броня

просто загляденье. Конечно, бронник обязан в первую очередь думать о защите а не о красоте, но здесь совмещается и то и другое. Она словно скорлупа покрывает тело, делая носителя почти неуязвимым, но при этом видны разграничения между отделами брони причудливого вида, что должно мешать попаданию в слабые места.

Григорий замечает меня и говорит, продолжая при этом закреплять наручь:

– Наконец явился, ну что подобрал оружие и броню.

– Оружие да, а вот броня осталась у него.

– Не страшно Ольга всё равно ушла за Георгом. – Наконец он заканчивает возиться с наручем и смотрит на меня. – Готов.

Отвечаю молчаливым кивком.

– Как же я вам завидую. – Подаёт голос Ульяна. – Хотелось бы мне с вами отправиться.

– С нами ты не отправишься ни за что. Будешь под приглядом Георга.

– Он же тот ещё ворчун, не хочу с ним. – Возмущается она будто по настоящему.

– Меня не волнует, чего ты хочешь или не хочешь. Сказал: «будешь с ним», значит будешь. Пусть научит тебя уму разуму.

– Не переживай, Уля. – Подбадривает её Сергей. – Он только по началу ворчливый, потом он становится ворчливым, вечно злым и негодующим.

Ульяна уже было собралась накинуться на Сергея, да только к нам как раз выходят из темноты Ольга с Георгом, держащим кожаную броню.

Вовремя.

– И зачем ты только согласился, – осуждает меня Георг. – Теперь на тебя ещё одну хорошую броню переводить.

– Успокойся, Георг, ему там нечего будет делать. Так постоит в стороне и посмотрит, – утешает его Ольга.

Георг смотрит на неё долгим проверяющим взглядом, источающим недоверие.

– Боги, Георг, не смотри на меня так! Это же я, ты меня несколько лет уже знаешь, – возмущённо говорит Она.

– Вот потому-то и смотрю так, что знаю тебя.

– А ничего что я сам могу за себя отвечать?

– Нет! – отвечают Ольга и Георг одновременно, смотря друг на друга, не моргая.

– Если мы их не остановим, то они так до рассвета простоят, – говорит Сергей у меня за моим плечом.

Бесшумный гад. А я всегда считал что смогу услышать даже поступь дикой кошки. Ведать переоценил себя.

– И что ты предлагаешь?

– Что-то вроде этого, – говорит он и щёлкает пальцами.

Между Ольгой и Георгом мгновенно взрывается небольшой огненный шар.

– Сергей! – снова кричат они, одновременно поворачивая головы к нам, смотря на нас своими злыми глазами.

– Если вы не заметили, то нам надо собираться. – Вмешивается Григорий. – Рассвет не за горами. Под землёй выследить их в разы сложнее.

– А ты тут мне не командуй. Ишь, чего вздумал... – начинает Георг.

– Георг! ... Давай без этого я прекрасно знаю и понимаю, уверяю тебя с Бронёй ничего не случится.

С Бронёй ну как же. Будто никто не понял о чём речь. Может мне и следовало гневаться и злиться, но сейчас я просто хочу отправиться на поиски. К несчастью устоявшуюся бурю снова взболотучивает Ольга:

– Может уже хватит обсуждать меня, как будто я вовсе и не здесь! Я справлюсь, уясните это раз и навсегда.

Все взоры устремляются на Ольгу, почти от всех исходит недоверие и сомнение.

Боги мы погибли.

– Ладно, заканчиваем сборы и в путь. – говорит Григорий.

Следующие минут пять, Георг помогает мне надевать мою броню.

С ним я справился ней гораздо быстрее, чем в первый раз. Затем Георг даёт мне кинжал совсем новый и очень красивый.

– Держи, береги и пользуйся на здоровье. И самое главное, – Георг кладёт свою руку мне на плечо, – не погибни.

– Сделаю.

Ольга стоит у костра, смотря в темноту. В какой-то миг

она поворачивается ко мне. В её взгляде нет той неуверенности и необузданной злобы из-за собственной слабости. Этот человек исчез, прогнан прочь, неведомо куда, незнамо на сколько, словно и не было её вовсе. Теперь передо мной уверенная в себе воительница, не знающая ни слабости и ни боли.

Георг недовольно фыркает:

– Побереги силы на врагов не на друзей. Всё равно подобный морок долго не держится.

Ольга смотрит на Георга, желваки напрягаются – вся видимость стойкости и непоколебимости исчезает.

Другое дело Григорий. Он выглядит так всегда, даже будучи волком от него исходила непоколебимость и сила, которой нет и вряд ли появиться в скором времени у Ольги, и когда-либо появится у Владимира.

– Все готовы. Хорошо. Вы должны знать следующее упыри сбежали в семь разных направлений, но только в одно из них приведёт нас к желанной добыче. Семь небольших групп должны проверить эти пути. После того как будет найдено верное основные силы отправятся за ними вместе с остальными группами. Мы должны добраться до деревни недалеко отсюда где-то на востоке есть кладбище, полное заложных покойников. Наша дорога ведёт нас к полю брани недалеко от соседней деревни. Не сомневаюсь, что там будут заложные покойники. Остальные уже отправились, не будем терять время.

С этими словами они встают не четвереньки и начинают оборачиваться. Тело покрывается шерстью и растёт. Лицо вытягивается и становится волчьей мордой. Пальцы удлинняются, отрастают когти, а сами руки становятся больше похожими на волчьи лапы. Броня вовсе не рвётся, а просто расходится на их теле.

– Что с их бронёй?

– Нравиться? – Спрашивает Георг. – Долго работал я над этой бронёй. Наконец мне удалось создать, не без колдовства, лямки, которые могут растягиваться, оттого части брони могут встать на наиболее уязвимые части тела оборотня. А моя броня, даже из кожи, может выдержать удар упыря. Хотя лучше бы Григорий носил металлическую броню, осто-лоп самоуверенный.

– Ты же знаешь его, Георг. Предпочитает скорость и выносливость, стойкости. – Говорит Ульяна.

– Матёрый волк на то и матёрый что берёт силой, а не скоростью и выносливостью. А вот Ольге металлическая броня и вовсе не к чему.

– Так что же она её носит?

– Понравилась она мне вот и подарил. – Отвечает на её вопрос низким кряхтивым голосом. – Сама как думаешь?

– А что тут думать и так всё понятно.

– Коли понятно молчи.

– А тогда почему ты и для меня не делаешь такую броню. Я правнучка Григория как-никак.

– Ага. Может тебе ещё и одежды нарядные да украшения самоцветные?! Ты волколачка и только, хорошенько запомни. Хочешь такую броню проживи полсотни лет или победи Владимира. Что насупилась не нравится? Так тебе много чего не понравится ты у меня теперь в подмастерьях ходить будешь, уж я-то из тебя всю твою дурость выбью.

К концу речи Георга перед нами уже стоят огромные волки. Броня и вправду закрывает уязвимые места, хотя и непонятно на сколько хороши они будут в таком состоянии.

Взор устремляется на Ольгу.

У неё сини-серые глаза и жёлтая шерсть.

«Подойди и сядь мне на спину. Не бойся, я не кусаюсь». – Говорит Ольга, общаясь со мной мысленно. Вызов и насмешка.

На моём лице появляется улыбка. Хищная и начисто лишенная радости. Что-то тёмное пробуждается внутри.

Если хочет меня попугать пусть старается получше.

Подхожу к ней, а она лежит на лапах и смотрит на меня. Протянув руку, я прикасаюсь к её спине.

Шерсть жёсткая и тёплая.

Сажусь на спину. Она встаёт – ноги теряют связь с землёй.

«Наклонись, если хочешь удержаться, и держись за мою шерсть». – Говорит она.

«А что будет, если я свалюсь?»

«Очень больно ударишься... очень».

«Ну, спасибо за честность».

«Не за что». – Отвечает мне Ольга и в моей голове раздаётся зловещий смех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.